

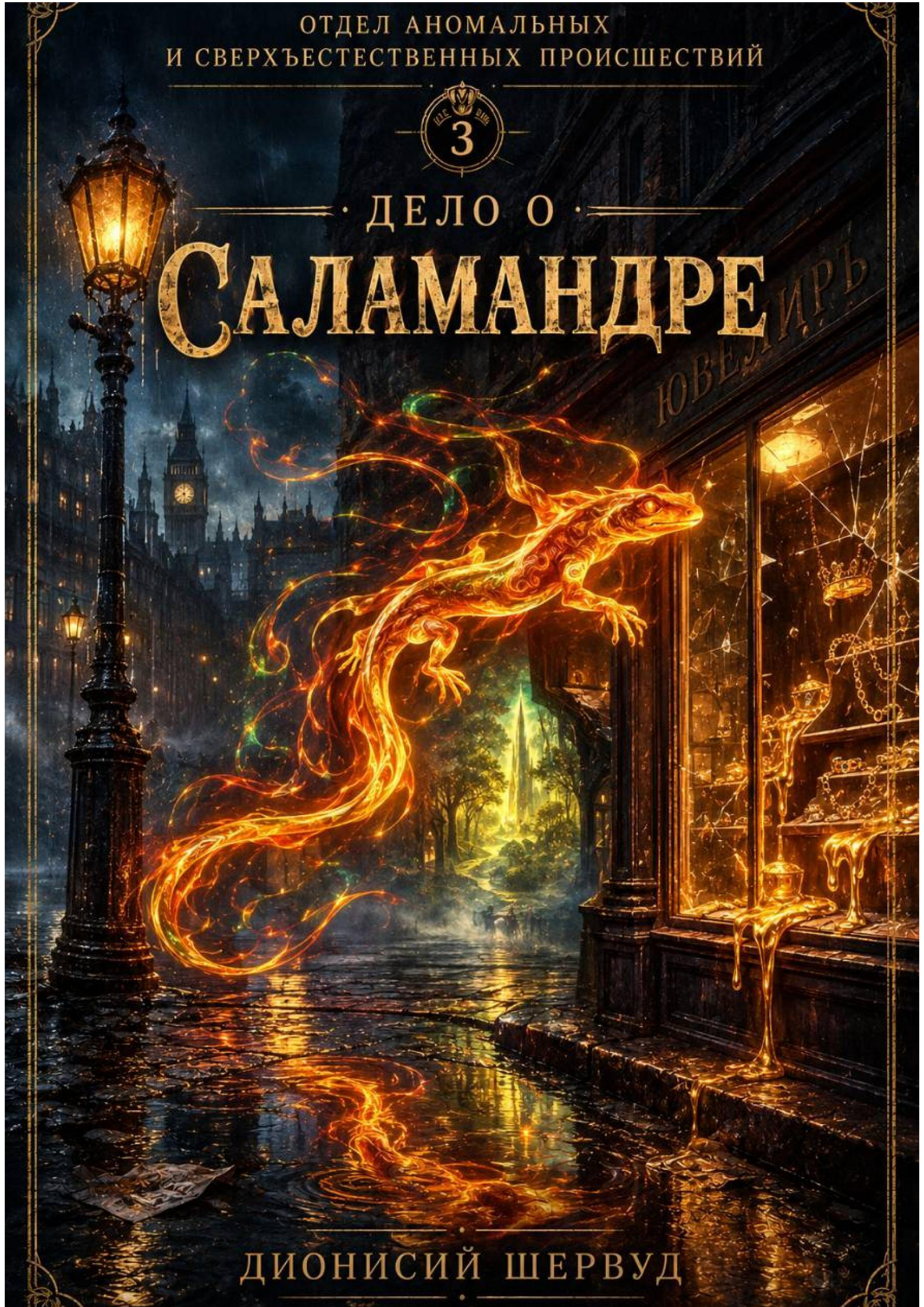
ОТДЕЛ АНОМАЛЬНЫХ
И СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

ДЕЛО О

САЛАМАНДРЕ

ДИОНИСИЙ ШЕРВУД

Дионисий Шервуд
Дело о саламандре

«Автор»

2026

Шервуд Д.

Дело о саламандре / Д. Шервуд — «Автор», 2026

Лондон охвачен тревогой. В городе появилась саламандра — древний огненный элементаль, которого, по всем законам магии, не должно существовать. Она оставляет за собой расплавленный металл, пепел и разрушения, а очевидцы утверждают, что загадочный человек в плаще способен повелевать существом из огня. Расследование поручено Артуру Понду и его необычному Отделу Аномальных и Сверхъестественных Происшествий. Но чем дальше они продвигаются, тем яснее становится: саламандра — лишь часть гораздо более опасной игры. Следы ведут к забытым алхимикам, древним вратам и договорам, заключённым задолго до появления современного Лондона. Чтобы остановить надвигающуюся катастрофу, Артуру придётся выяснить главное: кто на самом деле враг — чудовище, пришедшее из другого мира, или тот, кто решил использовать его силу?

© Шервуд Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Новое дело	10
Глава 2. Ведьма	20
Глава 3. Дневник Торвальда	30
Глава 4. "Прыгун"	41
Глава 5. Призраки прошлого	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дионисий Шервуд

Дело о саламандре

Пролог

Лондонская ночь обняла Уоппинг густым, влажным туманом, забирающимся под одежду, приглушающим звуки шагов и стирающим очертания портовых кранов в доках. Фонари на причалах горели тускло, как свечи в склепе, и казалось, что весь остальной город решил отвернуться от этого места, оставив его на съедение сырости и тишине.

На заброшенном складе номер семнадцать в этот час было обманчиво тихо.

Внутри, за грязными окнами, забранными ржавой решёткой, горел единственный керосиновый фонарь. Он отбрасывал пляшущие тени на стены, заваленные пустыми ящиками с надписями "Собственность Короны" и "Не кантовать". Посередине помещения, на расчищенном от грузов пятачке, стояли двое.

Первым был гном, известный в определённых кругах под кличкой Наковальня. Он был коренаст, одет в потёртое, но когда-то дорогое пальто, из-под которого виднелась клетчатая рубашка. Его борода, заплетённая в две короткие косы, нервно подрагивала. Гном то и дело вытирал ладони о полы пальто и косился на дверь.

Рядом с ним переминался с ноги на ногу человек в кепке по кличке Джимми-Свисток, мелкий перекупщик и осведомитель, получивший своё прозвище за привычку насвистывать сквозь зубы во время самых напряжённых моментов сделок. Сейчас, впрочем, он молчал.

– Хватит елозить, – проворчал Наковальня, не глядя на напарника. – Клиент вот-вот придёт.

– А я что? Я ничего, – отозвался Джимми и всё-таки издал короткую нервную трель. – Просто не нравится мне это место. Склад уж год как пустой, а пахнет так, будто здесь вчера кошек жгли.

– Это сера, балда, – гном покосился на стоящий у его ног опломбированный ящик. – Техническая сера для консервации кристаллов. Просто не вдыхай слишком глубоко, и всё будет путём.

Ящик был небольшим, но явно тяжёлым. Обшитый свинцовыми полосами и с восковой печатью, на которой виднелся незнакомый герб – три перекрещённых копьё на фоне разорванного круга. Внутри, за толстыми стенками, покоилось то, что гномы Подгорного Царства называли "слезами бездны" – редкие и дьявольски опасные кристаллы, излучающие тёмную магию. Три штуки высшей концентрации, мощи которых хватит, чтобы прожечь дыру в ткани реальности или, скажем, свести с ума половину квартала.

Наковальня знал, что везёт смерть. Но золото, предложенное за доставку, перевешивало любые моральные соображения – тем более что моральные соображения гнома никогда не отличались особой тяжестью.

Дверь склада скрипнула.

Вошедший был высок, сухопар и закутан в безупречно скроенное пальто из тёмно-серого сукна – такие носят банкиры из Сити или адвокаты с Кэри-стрит. Лицо его оставалось в тени широких полей дорогой фетровой шляпы. В правой руке он держал чёрный саквояж. Поставив его на пыльный пол, посредник извлёк из кармана изящный монокль и, не говоря ни слова, приложил его к глазу, разглядывая ящик.

– Концентрация? – спросил он сухим, бесцветным голосом.

– Девяносто шесть и четыре десятых, – быстро ответил Наковальня, облизнув губы. – Чище не бывает. В Подгорном для таких вещей сундуки сейчас только по спецзаказу делают, и то если знать, к кому идти.

– Я знаю, к кому идти, – отрезал посредник, и в его тоне прозвучало лёгкое пренебрежение, будто он разговаривал не с живым существом, а с досадной помехой. – Именно поэтому я здесь, а не беседую с вашими конкурентами, которые, насколько мне известно, уже неделю кормят рыб в Темзе.

Джимми–Свисток нервно сглотнул и засвистел что-то похожее на похоронный марш.

– Печать целая? – продолжал посредник, не обращая на него внимания.

– Сами видите.

Человек в сером пальто наклонился, провёл пальцем по восковой пломбе и удовлетворённо хмыкнул. Затем он открыл саквояж. Внутри, в специальных углублениях, обитых тёмным бархатом, тускло блеснули ровные, тяжёлые бруски золотых слитков с клеймом Лондонского монетного двора. Десять слитков ценой по двести фунтов каждый, если считать по курсу Банка Англии, но на чёрном рынке, особенно при сделках такого рода, реальная цена была втрое выше.

Наковальня невольно облизнулся. Его гномье чутьё, острое на металл, уже оценило пробу, вес и чистоту. Слитки были настоящими, без магической подделки, без иллюзий. Они пахли старыми сейфами и властью – запах, который гномы узнают с закрытыми глазами.

– Забирайте, – посредник подтолкнул саквояж носком ботинка. – И чтобы к рассвету вас не было ни в Лондоне, ни в Альбионе. Провалитесь в Туманные пустоши, в Подгорное Царство, да хоть к гоблинам в преисподнюю. Но если вас найдут мои... работодатели, второй встречи не будет.

– Мы люди маленькие, – засуетился Джимми, подхватывая саквояж. – Мы уже исчезли. Нас тут и не было.

– Вот именно, – кивнул посредник. – Вас и не было.

Он повернулся к ящику, и в этот момент что-то изменилось.

Воздух в помещении вдруг сгустился, стал плотным и сладким, как перестоявший сироп. От стен потянуло резким запахом грозы и корицы, заставляющим волоски на руках вставать дыбом. Керосиновая лампа мигнула, и пламя в ней опало, словно склоняясь перед кем-то невидимым.

А затем сквозь щели в обшивке стен начали просачиваться огоньки.

Сначала их было два или три – крошечных, золотистых, парящих в воздухе, как пыльца на летнем лугу. Затем к ним присоединились ещё и ещё. Они кружили, перемигивались, выстраивались в причудливые узоры, и в их движении было что-то осмысленное, даже разумное, словно невидимый художник рисовал в воздухе светящиеся спирали.

– Что это?... – прошептал Джимми–Свисток, роняя саквояж.

Золото глухо звякнуло о бетонный пол и Наковальня попятился. Его гномье чутьё, острое на опасность, вопило об одном – беги! Но ноги вдруг стали ватными, непослушными, будто приросли к полу.

Посредник в сером пальто стоял неподвижно, однако лицо его, до сих пор скрытое тенью, вдруг показалось на свет. Оно было бледное, с тонкими, плотно сжатыми губами, а в его глазах плескался ужас, смешанный с пониманием происходящего.

– Это не наш груз, – просипел Наковальня, пятясь к двери. – Мы такого не заказывали. Мы только кристаллы...

– Поздно, – произнёс голос из темноты.

Он был тихим и свистящим, как ветер в каминной трубе, как шорох осенних листьев, как дыхание человека, привыкшего говорить шёпотом, чтобы его слышали только те, кому предназначены слова.

Из самой густой тени в углу склада, куда не доставал свет фонаря, где, казалось, вообще не могло ничего прятаться, вышел высокий силуэт. Длинный плащ с капюшоном скрадывал очертания фигуры, делая её похожей на сгусток мрака, случайно обретший форму. Лица не было видно. Только глаза – два тлеющих уголька, горящих ровным, немигающим светом.

– Вы тревожите то, что должно спать, – произнёс силуэт, и каждое слово падало в тишину, как камень в стоячую воду. – Скажи имя заказчика. И знай – я не буду спрашивать дважды.

Наковальня замотал головой. Страх боролся в нём с профессиональной гордостью. Гномы Подгорного Царства не сдают клиентов – таков закон, за нарушение которого полагается нечто худшее, чем смерть.

– Слушай, приятель, – начал он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, – мы просто курьеры. Нам платят, мы везём. Кто платит – не наше дело. Такие правила.

– Правила, – эхом отозвался человек в плаще, и в его голосе послышалась насмешка. – Вы, гномы, вечно прячетесь за правила. За параграфы, за договоры, за регламенты. Но Старые договоры вы нарушили уже тогда, когда согласились везти этот груз.

Он повернул голову. Взгляд тлеющих глаз упёрся в посредника. Тот замер, как кролик перед удавом. Лицо его, ещё минуту назад надменное, стало пепельно-серым.

– А вы, – произнёс силуэт, и одно это слово прозвучало как приговор. – Вы – другое дело. Вы не прячетесь за правила. Вы служите своему хозяину осознанно и верно. И вы осознаете последствия того, когда везёте слёзы бездны в город, стоящий на перекрёстке миров.

Посредник открыл рот, но не издал ни звука. Его рука непроизвольно дёрнулась к внутреннему карману пальто – возможно, там лежало оружие, а возможно, какой-то артефакт. Человек в плаще заметил это движение и тихо, даже несколько печально вздохнул. Он поднял руку в перчатке, и его пальцы сложились в замысловатый жест, словно он кого-то благословлял и призывал одновременно.

Светлячки, кружившие под потолком, внезапно устремились к центру склада. Они сливались, сплетались, набирали яркость и плотность, и через мгновение над ящиком с кристаллами возникло существо.

Саламандра.

Она была прекрасна и ужасна одновременно. Переливающееся золотом и алым тело напоминало оживший витраж – полупрозрачное, пронизанное внутренним светом, с длинным хвостом, рассыпающим искры. Длинной она была около четырёх футов, но в её движениях не было тяжести – только неземная грация, текучесть и некая невесомость. Она парила в воздухе, и жар, исходящий от неё, заставил керосиновую лампу погаснуть окончательно.

Теперь склад освещался только её сиянием.

Наковальня вжался в стену. Джимми-Свисток, сидевший на полу, тихо заскулил. Посредник попятился, выставив перед собой руки, словно это могло защитить его от элементаля.

Саламандра не атаковала. Она склонила голову, разглядывая ящик, и вдруг одним стремительным, как бросок змеи, движением нырнула в него. Вернее, сквозь него. Кристаллы внутри вспыхнули ослепительным светом, загудели, завибрировали, а затем начали плавиться. По складу поплыл запах горелого камня и озона. Саламандра пила. Пила самую суть тёмной магии, заключённую в кристаллах, и с каждым глотком её тело становилось ярче, насыщеннее, горячее.

Это длилось не больше минуты. Когда она поднялась, в ящике осталась только горстка оплавленного, спекшегося шлака на дне.

– Невозможно, – выдохнул посредник. – Они были стабилизированы...

– Для вас так и было, но для неё – это всего лишь пища, – ответил человек в плаще. – А теперь вы ответите за сделку. Но ее передо мной, а перед законом, который вы нарушили.

Он снова сделал жест.

Саламандра качнулась в воздухе, развернулась и метнулась к посреднику. Тот вскрикнул, попытался бежать, но ноги его не слушались. Элементаль обвился вокруг его правой руки не касаясь плоти, но обжигая и пронзая огнем глубже поверхности кожи. Посредник закричал.

Это был не ожог. По крайней мере, не обычный ожог. Кожа на предплечье засветилась. По ней расплзалась замысловатая вязь, похожая на древние руны или на кельтский узор, только

живой, пульсирующий, горящий изнутри золотом. Боль была невыносимой и в то же время странной, почти отстранённой, словно она принадлежала не телу, а чему-то более глубокому – памяти, душе, самой сути человека.

– Это метка, – произнёс человек в плаще, и его тихий голос перекрыл крик. – Она не убьёт тебя, но отныне ты отмечен. Те, кому ты служишь, увидят её и поймут, что нарушение Старых договоров не остаётся без ответа.

Саламандра разжала объятия. Посредник рухнул на колени, баюкая руку. Узор на коже продолжал светиться, но уже слабее, затухая, как угли в остывающем камине.

– Передай своему хозяину, наверняка, это лорд Хаоса, – продолжал силуэт, отступая обратно в тень, из которой вышел, – что нейтралитет Авалона – не слабость. Что Старые договоры ещё в силе. Что мы ищем своё и обязательно найдём. А когда найдём... – он сделал паузу, и в этой паузе было больше угрозы, чем в любых словах, – ...ему не поздоровится.

Он взмахнул полый плаща, и воздух вокруг него сгустился, закрутился воронкой. Саламандра метнулась к нему, и оба они – человек и элементаль – исчезли в кольце огня, которое вспыхнуло и тут же погасло.

Наковальня, всё ещё стоя у стены, судорожно вздохнул и, не говоря ни слова, бросился к двери. Топот его тяжёлых ботинок простучал по бетону и стих в тумане.

Посредник поднялся. Лицо его было искажено болью и страхом, но в глазах уже загоралась холодная решимость. Он прижал к груди отмеченную руку и пошёл к выходу, шатаясь, как пьяный. Вскоре дверь хлопнула за ним.

Джимми–Свисток остался один.

Он сидел на полу, прислонившись спиной к стене, и мелко дрожал. Перед его глазами всё ещё плясали золотые спирали, а в ушах стоял крик посредника. Джимми был мелким человеком во всех смыслах – мелким мошенником, мелким перекупщиком, мелкой душонкой. Но даже у мелких людей иногда просыпается инстинкт самосохранения.

Он знал то, чего не знал посредник. Где-то в Лондоне, в подвалах под старым пакгаузом в Уопшинге, хранилась вторая партия из двенадцать кристаллов, готовых к отправке. И если то, что он только что видел, лишь начало чьей-то большой и страшной игры, то город такого может не пережить.

Джимми поднялся. Ноги держали плохо, но он заставил себя идти. У дальней стены склада, там, где когда-то висел телефонный аппарат, до сих пор торчал из стены обрывок провода и ржавая коробка распределителя. Но телефон, к счастью, был цел, каким-то чудом сохранившись в этом забытом богом месте.

Он подошёл к аппарату. Рука дрожала так, что он трижды промахивался мимо диска. Наконец, набрав номер, он прижал трубку к уху.

– Скотланд–Ярд, – раздался в трубке сонный голос дежурного. – Слушаю.

– Соедините меня... – голос Джимми сорвался, и он прокашлялся. – Соедините с Отделом. Ну, этим... аномальным.

– С Отделом Аномальных и Сверхъестественных Происшествий? – уточнил дежурный без особого удивления. – Соединяю.

В трубке что-то щёлкнуло, загудело. Джимми прикрыл глаза, собираясь с мыслями. Он понятия не имел, что скажет и поверят ли ему. Но одно он знал точно – если не позвонить сейчас, потом может быть поздно.

Гудки сменились спокойным мужским, каким-то даже подчёркнуто обыденным, голосом:

– Понд слушает.

Глава 1. Новое дело

Капля срывалась с ржавой трубы под потолком каждые семь секунд. Артур Понд знал это совершенно точно, потому что однажды, в особенно дождливый вторник, засёк время по карманным часам. Ровно семь секунд – не шесть с половиной и не восемь с четвертью. Ритм был достойным самого совершенного метронома. Капля падала в стеклянную мензурку, которую Артур предусмотрительно подставил ещё в первый месяц работы Отдела, и звук получался глухим, умиротворяющим – не "кап", а "тук", словно где-то недалеко билось сердце старого дома.

Однако перемены всё же были. К традиционным запахам чая и бумаг прибавился запах машинного масла. Этот слегка навязчивый запах просачивался из-за неплотно прикрытой двери, ведущей в соседнее помещение – бывшую кладовку, которую леди Элайза Кембридж своей властью и влиянием отвоевала у хозяйственного отдела Скотланд-Ярда. Теперь там размещалась мастерская Брока и Эвилин. Сейчас оттуда доносился мерный скрежет и тягостная мелодия. Видимо гном что-то пилил, насвистывая под нос мелодию, отдалённо напоминавшую медленный марш уставших рудокопов.

Артур Понд стоял у небольшого чайника на плитке, который так и не поменял на электрический, не собираясь делать ни единственной уступки прогрессу в деле заваривания чая. Чайник закипал, и пар свивался в белёсые кольца под низким потолком. На столе, покрытом клеёнкой в мелкую клетку, уже выстроились в идеальный ряд шесть печений "МакВити". Артур всегда проверял дату выпечки. Сегодняшняя партия была безупречна! Все шесть образцов кулинарного искусства были как на подбор ровные, золотистые и без единой трещины или скола. Одно из них, как обычно, имело едва заметную форму дракона – прихоть кондитерского пресса, которую Артур с некоторых пор перестал считать случайностью.

Он заварил чай. "Эрл Грей" и лимон – одна долька, без цедры и без косточек. Молоко отсутствовало по принципиальным соображениям, так как Артур считал его переменной величиной, способной испортить любой эксперимент. Чай же всегда был константой. Чай был якорем. Чай был тем, что отделяло цивилизацию от хаоса.

На подоконнике, под узким окном, выходящим на уровень тротуара, спал неприменный и все ещё полупрозрачный Сэр Пушистик. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь запylённое стекло, проходил сквозь него, почти не задерживаясь, отчего кот казался наброском, сделанным неуверенной рукой начинающего художника. Он появился в Отделе вскоре после дела о Фантомном маршруте и с тех пор вёл существование, полное философской отрешённости. Артур подозревал, что кот каким-то образом связан с Фицвильямом, как и большинство вещей, не поддающихся рациональному объяснению. Впрочем, кот не мяукал, не требовал еды и не нарушал порядка, а потому был зачислен в категорию "допустимых аномалий". В первые дни, его полупрозрачность имела четкие свойства – спереди он был вполне нормальный осязаемый кот, но от середины тела до хвоста, кот словно постепенно исчезал из этой реальности. После некоторых манипуляций Фицвильяма, который вознамерился было привести кота обратно в полностью нормальное состояние, исчезла даже существовавшая половина нормальности. Сэр Пушистик теперь мог становиться полупрозрачным в любое время, в любом месте, причем полностью или в тех частях, которые, видимо, выбирал сам.

Артур достал из внутреннего кармана плаща блокнот в кожаном переплётe, раскрыл его на чистой странице и записал аккуратным, почти чертёжным почерком:

"Понедельник. 08:47. Чай заварен. Печенье в порядке. Труба капает с периодичностью семь секунд. Кот спит. В мастерской Брок пилит металл – цель неизвестна. Был ночной звонок – ожидается повторный".

Он перечитал написанное, кивнул сам себе и спрятал блокнот. Блокнот был его продолжением, его внешней памятью, его оружием против энтропии. За два месяца существования Отдела Аномальных и Сверхъестественных Происшествий блокнот распух от записей, вкладок и пометок на полях. Дело о Фантомном маршруте, Дело о Ведьмином устье, а теперь, судя по ночному звонку, назревало третье.

Первый звонок раздался в три часа пополудни. Артур, привыкший к бессоннице ещё со времён службы в Скотланд-Ярде, снял трубку после второго гудка. Голос в трубке был высоким, срывающимся и слегка заикающимся, как говорят люди, которые только что увидели нечто, не предназначенное для человеческих глаз. Звонивший назвался Джимми-Свистком и, захлёбываясь словами, выпалил, что в доках Уоппинга, на складе номер семнадцать, только что произошло нечто невообразимое. "Живой огонь, сэр! Огромная светящаяся тварь! И человек, который ею командовал! Они кристаллы уничтожили, а посредника... его пометили, сэр! Точно так же, как скот клеймят!" Артур попытался задать уточняющие вопросы, но на том конце провода послышался какой-то грохот, и Джимми-Свисток бросил трубку, успев лишь повторить: "Уоппинг. Я здесь до утра просижу, сэр, не могу я сейчас никуда идти, того и гляди вернутся!"

Ехать немедленно не имело смысла. Во-первых, адрес был известен лишь приблизительно – Уоппингские доки тянутся на мили, и найти ночью среди десятков складов единственный, не зная номера и без проводника, было задачей для целого отряда полиции, а не для одного человека. Во-вторых, Джимми-Свисток явно был в состоянии, близком к истерике, и его показания требовали трезвого подтверждения. В-третьих, Артур умел ждать – это был один из его главных профессиональных навыков. Он дождался утра, и утро, как он и предполагал, принесло повторный звонок.

На этот раз Джимми говорил куда как спокойнее. Он извинился за ночную панику и сообщил, что просидел на складе до рассвета, боясь высунуть нос наружу, но "те, в плаще и с ящерицей", не вернулись. Посредник сбежал сразу. Наковальня, гном-контрабандист, сбежал вслед за ним. А сам Джимми остался и теперь хотел дать официальные показания в обмен на защиту.

Артур пообещал приехать в течение часа и положил трубку.

Теперь, с чашкой чая в руке, он обдумывал полученную информацию. "Живой огонь". "Светящаяся тварь". "Человек в плаще". За два месяца работы в Отделе он научился не отмечать самые нелепые показания, а классифицировать их по степени магической вероятности. Живой огонь мог быть чем угодно: неконтролируемым заклинанием, элементом, вырвавшимся из чьей-то лаборатории, или, что хуже всего, чьим-то оружием. А упоминание кристаллов – явно не обычного контрабандного товара – наводило на мысль о Нижнем Мире. После дела о Ведьмином устье Артур знал, что всё, связанное с Нижним Миром, – это очень серьёзно.

Скрежет в мастерской прекратился. Дверь распахнулась, и в помещение отдела ввалился Брок.

Гном был в своём неизменном рабочем фартуке поверх клетчатой рубахи. Борода, заплетённая в две косицы с медными кольцами, подрагивала от возмущения. В правой руке он держал гаечный ключ необычной конструкции – с тремя головками, вращающимися независимо друг от друга.

– Доброе утро, Понд, – пробасил он вместо приветствия. – Ты только посмотри на это. Нет, ты только посмотри!

Он сунул ключ Артуру под нос. Три головки ключа медленно вращались, издавая тихое жужжание.

– Самособирающийся гаечный ключ, – с гордостью объявил Брок. – Модель три. Предыдущие две взорвались, а этот пока нет. Эвелин говорит, что я нарушаю законы физики, а я говорю, что законы физики не рассчитаны на гномов.

В дверях мастерской появилась Эвилин Роуз. Она была в своём обычном практичном костюме – юбка–карандаш тёмно–синего цвета, белая блузка, пиджак с карманами для инструментов. Волосы, как и обычно, стянуты в тугой пучок. Очки в тонкой оправе сидели на носу с той безупречной точностью, с какой вообще всё сидело на Эвилин. Она держала в руках планшет с закреплённым на нём сканером магических сигнатур – прибором, напоминавшим помесь радиоприёмника и компаса.

– Доброе утро, инспектор, – сказала она, кивая Артуру. – Брок преувеличивает. Предыдущие модели не взорвались, а саморазобрались на составные части. Разница существенная.

– Взрыв – это тоже саморазборка, – парировал Брок. – Просто очень быстрая.

Артур сделал глоток чая. Дискуссии Брока и Эвилин о природе технического прогресса были ежеутренним ритуалом, столь же неизменным, как капанье трубы и он никогда в неё не вмешивался.

– Доброе утро, – произнёс он, когда пауза между репликами оппонентов стала наконец достаточно длинной. – Ночью поступил звонок. А десять минут назад я принял повторный на ту же тему от той же личности. Склад в Уоппинге. Возможный контакт с элементом огня. Выезжаем через двадцать минут.

Эвилин мгновенно подобралась. Её пальцы забегали по планшету, настраивая сканер.

– Элементаль? – переспросила она. – Вы уверены?

– Звонивший употребил выражение "живой огонь" и "светящаяся тварь". Сочтём это рабочей гипотезой. Свидетель провёл на складе всю ночь и готов дать показания. Эвилин, возьмите с собой портативную рацию – возможно, придётся разделиться. Брок, захватите инструменты для вскрытия дверей и замков. Фицвильям... – он осёкся, оглядев подвал. – Кстати, где Фицвильям?

Брок присвистнул и даже ключ в его руке перестал вращаться.

– Огненный элементаль в Лондоне? В середине ноября? Это всё равно что найти айсберг в Сахаре. Кому понадобилось тащить такую тварь в город?

– Вот это и предстоит выяснить, – ответил Артур.

Дверь подвала с грохотом распахнулась, ударившись о стену. Полупрозрачный кот на подоконнике приоткрыл один глаз и снова закрыл – жест, выражавший безграничное презрение к законам мироздания и людской суете.

В проёме стоял Фицвильям Кембридж.

Сегодня он превзошёл самого себя. Он был в настолько ярком лимонно–жёлтом сюртуке, что, казалось, тот осветил подвал лучше электрической лампочки. Под сюртуком виднелась рубашка в бледно–голубую полоску и галстук–бабочка, завязанный под углом, который противоречил всем мыслимым канонам симметрии. Брюки были чуть коротковаты и слегка приоткрывали щиколотки. На ногах красовались белые кеды – один с синим шнурком, другой с красным.

– Доброе утро! – провозгласил он, влетая в комнату и едва не снеся стопку папок на углу стола. – Прекрасный день! Я проснулся в шесть утра с гениальной идеей и немедленно её забыл, но это неважно, потому что по дороге сюда меня посетила другая, ещё более гениальная, которая...

Он осёкся, заметив выражение лица Артура. Потом перевёл взгляд на Брока, который демонстративно закатил глаза, потом на Эвилин, которая поправила очки с видом человека, подсчитывающего в уме убытки.

– Что? – спросил Фицвильям. – Что–то случилось?

– Для начала, мистер Кембридж, – произнёс Артур ровным голосом, – у вас шнурки разного цвета. Это стратегический выбор или следствие утренней спешки?

Фицвильям опустил взгляд на свои кеды. На его лице отразилась напряжённая работа мысли.

– Тактический, – уверенно заявил он. – Красный и синий – цвета магического спектра. Я провожу эксперимент по влиянию хроматического диссонанса на скорость перемещения.

– И как результаты?

– Пока что я дважды споткнулся на лестнице, но это является частью исследования!

Эвилин тихо фыркнула, а Брок хмыкнул в бороду. Артур же позволил себе едва заметную тень улыбки, которая мелькнула и исчезла, как солнечный зайчик.

– Эксперименты будете ставить позже, – сказал он. – У нас дело. Ночью в доках Уоппинга произошёл инцидент. Пожар на складе, не затронувший людей, но уничтоживший специфический груз. Свидетель утверждает, что видел "живой огонь" и человека, который этим огнём управлял.

Фицвильям мгновенно стал серьёзным. Он стянул с вешалки свой неизменный саквояж с магическими реагентами и принялся проверять содержимое.

– Живой огонь? Вы имеете в виду элементаль? Но их не видели в черте Лондона со времён... дайте подумать... Великого пожара тысяча шестьсот шестьдесят шестого года! И то, как утверждает официальная версия, тот пожар начался в пекарне на Паддинг–лейн.

– Официальная версия Общества Сдержанной Магии, – поправила Эвилин, сверяясь с каким-то документом на планшете, – гласит, что пекарь на Паддинг–лейн был алхимиком–любителем, пытавшимся призвать саламандру для обогрева печи. Эксперимент вышел из–под контроля.

– Вот именно! – подхватил Фицвильям. – Саламандра! Элементаль огня в чистом виде. В Академии нам рассказывали, что их можно призвать только с помощью древних алхимических формул, утраченных много веков назад. Если кто–то действительно сумел это сделать...

– Значит, у нас серьёзная проблема, – закончил за него Артур. – Поэтому мы выезжаем немедленно. Брок, ваша мастерская подождёт. Эвилин, возьмите с собой сканер. Фицвильям, саквояж... и, пожалуйста, на этот раз не берите с собой ничего взрывоопасного.

– Это всего лишь дымовая шапка! – возмутился Фицвильям. – Гномья, между прочим. Брок сам мне её дал.

– Я сказал "держи на всякий случай", а не "таскай в кармане", – проворчал Брок. – Она иногда от удара срывается, а ты, парень, ударяешься обо всё, что попадаете на пути.

Артур надел плащ, водрузил на голову котелок с кристаллом восприятия за подкладкой, еще раз модернизированный Эвилин после дела о Ведьмином устье. Кристалл очень тихо загудел, настраиваясь на магический фон. В левой руке Артура возник зонт–трость – неизменный спутник, оружие и, в крайнем случае, указка.

– Выежаем, – скомандовал он.

Через пять минут команда грузилась в служебный автомобиль – старенький "Моррис", который Брок модернизировал, добавив пару магических ускорителей и, по слухам, катапульту для пассажира. Гном категорически отрицал наличие катапульты, но почему–то не разрешал Фицвильяму нажимать красную кнопку на приборной панели.

– Просто не нажимай, – повторил Брок в третий раз, усаживаясь за руль. – Это не катапульта, но всё равно не нажимай.

– А для чего она? – спросил Фицвильям, с любопытством разглядывая кнопку.

– Для красоты.

"Моррис" завёлся с полуоборота и, мягко урча доведенным до совершенства гномьим умом двигателем, выехал со стоянки Скотланд–Ярда в серое лондонское утро.

Уоппинг встретил их густым, влажным туманом, который казался продолжением вчерашней ночи. Доки в этот час жили своей обычной жизнью, в которой грузчики перекачивали бочки, в трюмы пароходов с грохотом опускались ящики, и пахло рекой, машинным маслом и копчёной рыбой. Никто не обратил внимания на старенький "Моррис" с эмблемой Скот-

ланд–Ярда на дверце, потому как здесь привыкли к полицейским машинам, хотя эта, пожалуй, была самой потрёпанной из всех.

Склад номер семнадцать стоял в стороне от основных причалов, за ржавым забором, на который кто–то нацепил табличку "Проход запрещён". Табличка висела криво, и вид у неё был такой, словно её запреты давно никто не воспринимал всерьёз.

У дверей склада топтался человек в кепке. При виде "Морриса" он нервно дёрнулся, словно собираясь бежать, но усилием воли заставил себя остаться на месте. Лицо у него было серое, осунувшееся и по нему было видно, что ночь, проведённая на складе в обществе собственного страха, далась ему нелегко.

– Джимми–Свисток? – спросил Артур, выходя из автомобиля первым.

– Он самый, сэр, – человек в кепке мелко закивал. – Только вы это... потише. Там внутри такое... я, может, и маленький человек, сэр, но я понимаю, когда дела плохи. Очень плохи.

Он нервно свистнул сквозь зубы короткую, срывающуюся трель.

– Расскажите, что вы видели, – спокойно произнёс Артур, доставая блокнот. – В подробностях и с самого начала.

Джимми–Свисток перевёл дух. Его глаза беспокойно бегали, но говорил он связно – видимо, за несколько часов, прошедших с момента происшествия, он успел прокрутить события в голове множество раз.

– Была сделка, сэр. Я всего лишь помогал, я в этом дельце не главный. Главный – Наквальня, гном, он сейчас уже, наверное, на полпути к Подгорному Царству, если не дальше. Мы должны были передать ящик одному типу в сером пальто. Посреднику. Из этих, из банковских. Ящик был с кристаллами, сэр. "Слёзы бездны" называются. Тёмная магия, высшей концентрации. Нам хотели заплатить золотом.

– Слитками, – уточнил Артур, не поднимая глаз от блокнота.

– Откуда вы... – Джимми осёкся и махнул рукой. – А, неважно. Да, слитки. Десять штук, с клеймом Лондонского монетного двора. Сделка уже почти состоялась, посредник уже отдал золото и собирался забирать ящик. И тут началось.

– Что именно?

– Светлячки. Сначала пара, потом десятки. Маленькие такие, золотистые. Они кружили, прям как живые. А потом запах... такой сладкий, приторный. Жасмин. И появился он.

– Он?

Джимми судорожно сглотнул.

– Высокий человек в плаще. Лица из–за капюшона я не разглядел. Вышел прямо из тени, хотя, клянусь, сэр, там не было никакой тени. И с ним была... она.

– Саламандра, – подсказал Фицвильям, подавшись вперёд.

Джимми посмотрел на него с ужасом и облегчением одновременно, как человек, который наконец–то встретил кого–то, кто верит в его слова.

– Да. Именно. Огромная, светящаяся, как витраж в церкви, только живая. Она... она выпила кристаллы, сэр. Просто нырнула в ящик, и они исчезли. А потом человек в плаще приказал ей... приказал отметить посредника. Она обвилась вокруг его руки и... это было ужасно. У него на коже появился светящийся узор. Больно, наверное, жутко. Он даже закричал.

– Человек в плаще что–нибудь говорил? – спросил Артур, продолжая записывать.

– Да. Он сказал посреднику: "Ты отмечен. Те, кому ты служишь, увидят и поймут". И ещё велел передать... – Джимми наморщил лоб, вспоминая. – Велел передать лорду Хаоса, что Старые договоры ещё в силе. И что нейтралитет Авалона – не слабость. И что они ищут своё и найдут.

Рука Артура замерла над блокнотом. Лорд Хаоса. Авалон. Старые договоры. Всё это были понятия из совсем другой оперы – не той, в которой мелкие контрабандисты продают

тёмные кристаллы в заброшенных доках. Это была политика. Геополитика магического мира, если такой термин вообще был применим в данном случае.

– Что было потом? – спросил он, справившись с паузой.

– Они исчезли в кольце огня. Только запах остался – жасмин. Посредник убежал. Наковальня убежал. А я... я забился за ящики в дальнем углу и просидел там до рассвета, сэр, боялся даже дышать. А когда солнце взошло, я набрался смелости и позвонил вам снова. Потому что есть кое-что ещё.

Он замялся. Артур ждал.

– Вторая партия из дюжины кристаллов, – выдохнул Джимми. – Они в подвале под старым пакгаузом, это в полумиле отсюда. Я знаю, где. Наковальня не знал, что я знаю. Посредник не знал. Но если тот, в плаще, узнает... или если какой-нибудь лорд, хоть этого хаоса пришлёт кого-то ещё... Лондон не переживёт, сэр.

Артур закрыл блокнот. Его лицо оставалось бесстрастным, но пальцы, сжимавшие ручку, слегка побелели.

– Покажете потом, – сказал он. – Но сначала – осмотр места происшествия.

Внутри склад номер семнадцать выглядел именно так, как и следовало ожидать после визита огненного элементаля. В центре помещения пол был оплавлен и бетон превратился в стекловидную массу, застывшую волнами. Посередине этой лужицы лежали остатки ящика – обугленные доски, свинцовые полосы, покорёженные жаром, и горстка оплавленного шлака. Восковая печать, про которую упоминал Джимми, не сохранилась.

Эвилин немедленно достала сканер. Прибор тихо загудел, и его стрелка заметалась по шкале.

– Магический фон зашкаливает, – доложила она. – Но это не тёмная магия. По крайней мере, не в чистом виде. Это что-то другое. Возможно, действительно элементаль. Огонь в первичной форме.

Фицвильям бродил по складу, водя перед собой ладонью. Его глаза слегка светились из-за использования им заклинания "Окулус персписис", позволявшее видеть остаточные магические следы.

– Здесь везде светящиеся линии, – произнёс он изменившимся голосом. – Как паутина. Нет, как... как круги на воде. Они расходятся от центра, где стоял ящик. И ещё – смотрите.

Он указал на стену, в том месте, где, по словам Джимми, появлялся человек в плаще. Артур, активировав кристалл в котелке, увидел то, о чём говорил Фицвильям – в углу склада магический фон был плотнее, словно сама реальность там была слегка натянута, как простыня, за которую кто-то потянул с другой стороны.

– Портал, – коротко сказала Эвилин, сверившись со сканером. – Сейчас он закрыт, но остался довольно мощный след. Подобное свойственно только очень древней, очень сильной магии.

Брок, который до этого молча осматривал пол, вдруг издал торжествующий возглас. Он держал в руках что-то маленькое, блестящее.

– Смотрите-ка, – сказал он, подходя к Артуру. На его широкой ладони лежал кристалл, вернее, то, что от него осталось. Это был оплавленный кусок чёрного камня, похожий на слезу, но с золотистыми прожилками внутри. – Одна из "слёз бездны". Точнее, её фрагмент. Саламандра таки выпила не всё.

Эвилин осторожно взяла кристалл пинцетом и поднесла к сканеру. Прибор взвыл, стрелка резко перепрыгнула к другому концу шкалы.

– Невероятно, – прошептала она. – Структура кристалла изменена. Тёмная магия, которая была внутри, практически отсутствует, а вместо неё четкий след элементальной энергии. Как будто саламандра не просто выпила тьму, а преобразовала её во что-то другое.

– Можешь сказать во что конкретно? – спросил Артур.

Эвилин покачала головой.

– Пока не знаю. Нужно изучить в лаборатории. Ах, да! У меня же её нет...

Артур, проигнорировав саркастическое замечание, обошёл склад по периметру, внимательно разглядывая стены. Его котелок транслировал ему картину, недоступную обычному глазу. Он видел как магические линии, остывающие, как угли, складывались в причудливый узор. В центре этого узора, там, где саламандра коснулась ящика, свечение было ярче всего. А в углу, где стоял человек в плаще, линии закручивались в спираль, обрывающуюся в никуда.

– Джимми, – позвал он, не оборачиваясь. – Тот человек в плаще. Он говорил что-нибудь о себе? Он назвал своё имя?

– Нет, сэр. Только то, что я уже вам доложил. И ещё... он говорил странно. Будто не с нами, а с кем-то, кого здесь не было. А может и вообще с самим собой.

Артур кивнул.

– Что ж, – сказал он, закрывая блокнот. – Предварительные выводы таковы. Первое: в Лондоне действует неизвестный маг или существо, контролирующее огненного элементаля, а конкретно – саламандру. Второе: его цель не просто уничтожение контрабандных кристаллов, а послание. Послание, адресованное лорду Хаоса, кем бы он ни был. Третье: у нас есть вторая партия кристаллов, спрятанная где-то поблизости, и если мы не найдём её раньше, чем это сделает кто-то ещё, последствия могут быть катастрофическими.

Эвилин натянула на глаза очки, позволявшие разделять световой спектр и вскрикнула, взглянув на стену, где недавно был портал.

– Что случилось? – спокойно поинтересовался Понд. – Мышь заметили?

– Надпись! – провела по воздуху пальцем техномаг. – Язык странный, но знакомый...

Артур повернулся к команде.

– Эвилин, вы остаётесь здесь. Снимите все возможные замеры, зарисуйте магические линии, надписи и всё остальное. Брок, вы с нами – нужно осмотреть второй склад. Фицвильям...

Он осёкся. Фицвильям стоял на коленях перед обугленным ящиком, и его лицо выражало смесь ужаса и благоговения. В его ладони, слегка светящейся, лежала крошечная переливающаяся, полупрозрачная чешуйка, то появляющаяся, то исчезающая.

– Фицвильям, – окликнул его Артур, на этот раз резче. – Что это у вас?

Молодой маг вздрогнул и поднял глаза. Свечение на его ладони погасло.

– Ничего, – сказал он слишком быстро. – Просто чешуйка. Часть элементаля. Я... я отдам её Эвилин для анализа.

Он поднялся и сунул чешуйку в карман сюртука. Артур заметил, что сделал он это как-то слишком нервно. Но сейчас не было времени на расспросы.

– Едем, – скомандовал он.

Второй склад, о котором говорил Джимми-Свисток, находился в полумиле от первого, ближе к реке. Это был старый пакгауз из красного кирпича, с выбитыми окнами и покосившейся крышей. На вид он был совершенно заброшенным, но Артур, наученный опытом, знал, что самые неприметные места часто скрывают самые большие тайны.

Джимми привёл их к неприметной двери в задней части пакгауза. Дверь была заперта на старый, ржавый замок, но Брок справился с ним одним движением гаечного ключа.

– Гномья отмычка, – пояснил он в ответ на вопросительный взгляд Артура. – Никогда не подводит.

Лестница в подвал уходила в темноту откуда несло плесенью, застоявшейся водой и чем-то... похожим на жасмин.

Артур зажёл фонарь и первым начал спуск.

В подвале, в центре пустого, холодного помещения, стоял такой же ящик, что и на первом складе. Обшитый свинцовыми полосами, с восковой печатью с изображением трёх перекрещённых копий на фоне разорванного круга. Но это был нетронутым, в отличии от останков его копии.

— Двенадцать штук, — прошептал Джимми. — Как я и говорил.

Артур подошёл к ящику. Кристалл в его котелке тихо загудел, предупреждая об опасности. В этих камнях была заключена сила, способная стереть границу реальности. Сила, которую нельзя было оставлять здесь.

– Так, – произнёс он, и в его голосе зазвучал металл. – Действуем. Брок, вы остаётесь здесь. Никого не впускать. В случае появления посторонних – сначала предупредительный выстрел в воздух, потом в ногу, потом на ваше усмотрение. Оружие у вас с собой?

Гном молча распахнул фартук. Под ним, на широком поясе, висели три гномьи хлопушки, пистолет–пулемёт неизвестной Артуру конструкции и связка светошумовых гранат.

– Я всегда готов к переговорам, – сказал Брок с мрачной ухмылкой.

– Отлично. Фицвильям, вы со мной – нужно связаться с Эвилин, её рация молчит, а это дурной знак. И ещё нужно позвонить леди Элайзе. Ящик с двенадцатью "слезами бездны" – это не тот груз, который можно просто погрузить в "Моррис" и отвезти в Скотланд–Ярд. Здесь нужны специалисты.

Фицвильям, до этого молча разглядывавший ящик, поднял голову.

– Вы правы, – сказал он. – Тётя знает, что с ними делать. У Общества есть... в общем, специальные люди для таких случаев.

– Вот и отлично, – кивнул Артур. – Джимми, вы с нами. Брок, ждите.

На первом складе их встретила встревоженная, но невредимая Эвилин.

– Рация вырубилась, – сообщила она, едва Артур переступил порог. – Когда я закончила перевод надписи, портал, а вернее, его остаточный след, на секунду активировался и выдал всплеск энергии в виде очень мощного электромагнитного импульса. Вот рация не выдержала.

– Вы не пострадали?

– Нет. Но надпись... инспектор, это важно. Очень важно. Это послание или, возможно, настоящее пророчество!

– Расскажите через минуту, – Артур уже шёл к двери, за которой виднелась будка телефона–автомата. – Сначала звонок.

Он вошёл в будку, опустил монету в прорезь и набрал длинный номер с магическим добавочным кодом, который леди Элайза дала ему после дела о Фантомном маршруте. Гудок. Ещё гудок. На третьем трубку наконец сняли.

– Кембридж слушает, – раздался в трубке холодный голос с безупречной интонацией.

– Леди Элайза, это Понд. У нас ситуация.

– Я слушаю, инспектор.

Он изложил события коротко и по–военному чётко. Контрабандная сделка. Три кристалла высшей концентрации, уничтоженные саламандрой. Человек в плаще. Послание лорду Хаоса. И вторая партия из двенадцать нетронутых "слёз бездны", которые сейчас лежат в подвале заброшенного пакгауза в Уоппинге и ждут, пока кто–нибудь за ними не явится.

В трубке повисла пауза. Артур слышал, как леди Элайза дышит все так же ровно и спокойно, словно ей только что доложили не о магическом оружии массового поражения, а о задержке утренней почты.

– Инспектор, – произнесла она наконец, – вы поступили совершенно правильно, что позвонили мне. Ящик с двенадцатью кристаллами – это проблема, которую ваш Отдел не в состоянии решить своими силами. Я сейчас же выезжаю. Ждите меня у склада. И, Понд...

– Да?

– Никому не позволяйте прикасаться к ящику. Никому. Вы меня поняли?

– Абсолютно, – ответил Артур.

В трубке щёлкнуло, и наступила тишина.

Леди Элайза прибыла через двадцать минут.

Тот же старый "Даймлер", что встречал их на вокзале в Инвернесе во время дела о Ведьмином устье, vyplыл из тумана бесшумно, как призрак. Его тёмно–бордовый кузов, покры-

тый каплями влаги, блестел в сером утреннем свете. За рулём сидел тот же шофёр, что вёз их по горным дорогам Шотландии – высокий, сухопарый, с бесстрастным лицом и неизменной трубкой в зубах. Он курил, и дым выплывал из приоткрытого окна, смешиваясь с туманом. За всё время, что Артур его знал, шофёр не произнёс ни слова.

Дверца "Даймлера" открылась, и леди Элайза Кембридж ступила на брусчатку доков так, словно это была красная ковровая дорожка. На ней был плащ цвета грозового неба, всегда сухой в любую погоду. Трость с серебряным набалдашником в виде головы сокола сопровождала каждое её движение. Она окинула взглядом собравшихся – Артура, Фицвильяма, Эвелин, нервно переминающегося Джимми–Свистка, – и её губы тронула едва заметная улыбка.

– Инспектор Понд, – произнесла она, и её голос перекрыл шум ветра и далёкий гул портовых кранов. – Вы снова оправдываете мои ожидания и вновь превышаете их. Показывайте.

Они провели её на второй склад. Брок при её появлении на этот раз вытянулся почти по стойке смирно, что было для гнома жестом исключительного уважения. Леди Элайза спустилась по лестнице и приблизилась к ящику. Она не стала к нему прикасаться, а вместо этого подняла трость и провела набалдашником–соколом над восковой печатью. Сокол на мгновение вспыхнул серебром.

– Двенадцать, – произнесла она. – Высшая концентрация. Стабилизированы, но не нейтрализованы. Тот, кто их заказывал, знал, что делает. И тот, кто уничтожил первую партию, тоже.

Она повернулась к шофёру, который безмолвно стоял у лестницы.

– Генри, ящик в машину. В хранилище. Немедленно.

Шофёр кивнул, вынул трубку из рта и, не говоря ни слова, спустился в подвал. Он поднял тяжёлый ящик так, словно тот весил не больше пустой картонки, и понёс его к выходу.

– Инспектор, – леди Элайза повернулась к Артуру. – Я забираю кристаллы. Общество Сдержанной Магии обладает средствами для их безопасного хранения. Это не ваша забота и не ваша компетенция. Ваша забота, – она сделала паузу, – это человек в плаще и саламандра. Найдите их. Выясните, кто они, чего хотят и, главное, кому адресовано их послание. Потому что если лорд Хаоса действительно втянут в эту историю, последствия могут оказаться значительно серьёзнее, чем дюжина кристаллов.

– Лорд Хаоса, – повторил Артур. – Вы знаете, кто это?

Леди Элайза посмотрела на него долгим, оценивающим взглядом.

– Это один из правителей Нижнего Мира, инспектор. Существо, чьё имя не произносят вслух без крайней необходимости. Если он решил, что Старые договоры его больше не связывают, нас всех ждут очень трудные времена. Но пока это всего лишь предположение. Найдите мне факты, тогда и поговорим.

Она кивнула Фицвильяму, причем в этом кивке явно было что-то большее, чем просто приветствие, и направилась к лестнице.

– И ещё, Понд, – добавила она, обернувшись. – Свяжитесь со мной, как только узнаете что-то новое. Я хочу знать о каждом шаге этого человека в плаще. О каждом его слове. О каждом следе, который он оставит. Это понятно?

– Так точно, – ответил Артур.

Генри за рулём Даймлера затянулся трубкой, выпустил облако дыма, и автомобиль растворился в тумане так же бесшумно, как появился.

Глава 2. Ведьма

В свой подвальный офис команда ОАСП вернулась в полном молчании. Артур Понд повесил плащ на вешалку, рядом с ним водрузил котелок и первым делом поставил чайник. Война войной, а ритуал остаётся ритуалом.

Эвилин уже раскладывала на своём рабочем столе приборы. Сканер магических сигнатур тихо потрескивал, остывая после интенсивной работы в доках. Рядом, в специальном свинцовом контейнере, покоился оплавленный фрагмент "слезы бездны", который нашёл Брок на складе номер семнадцать.

Брок, ворча что-то о "безответственных контрабандистах, которые портят честным гномам репутацию", удалился в мастерскую, но дверь оставил приоткрытой, чтобы слышать общий разговор.

Фицвильям сидел на своём обычном месте – в продавленном кресле у стены, – и вид у него был совершенно отсутствующий. Чешуйка саламандры, которую он подобрал на складе, лежала в кармане его лимонного сюртука, и он то и дело прикасался к ней пальцами, словно проверяя, на месте ли она. Артур заметил этот жест, но пока ничего не сказал по этому поводу.

Что касается Джимми-Свистка, его судьба решилась быстро и без лишнего шума. Ещё в доках, дожидаясь леди Элайзу, Артур составил протокол допроса и дал свидетелю подписать его. Затем, следуя своему обещанию, он связался с дежурной частью Скотланд-Ярда и договорился о том, чтобы Джимми оформили как свидетеля, а не как соучастника при условии, что тот не покинет Лондон и будет доступен для опросов, необходимость в которых может возникнуть. Джимми, рассыпавшись в благодарностях, исчез в утреннем тумане, оставив после себя только адрес меблированных комнат в Ист-Энде и твёрдое обещание завязать с магией навсегда. Артур не слишком в это верил, но и не считал нужным тратить на мелкого перекупщика больше времени, чем он того заслуживал.

– Итак, – произнёс Артур, когда чай был разлит по чашкам, а печенье "МакВити" разложено в боевом порядке, – подведём промежуточный итог. У нас есть: первое – элементаль огня, саламандра, которая свободно перемещается по Лондону и питается тёмной магией. Второе – неизвестный человек в плаще, который ею управляет и который отправил послание лорду Хаоса. Третье – вторая партия кристаллов, которую леди Элайза сейчас везёт в хранилище Общества. Четвёртое – пророчество на стене склада: "Когда огонь вернётся в сад, спящий проснётся и назовёт имя". Вопрос: что мы знаем о саламандрах как таковых?

Фицвильям встрепенулся. Это был его шанс блеснуть знаниями, полученными в Академии Магии, и он не собирался его упускать.

– Саламандра, – начал он, поднимаясь с кресла и начиная расхаживать по подвалу, – это элементаль огня в его чистой, первичной форме. В отличие от обычных огненных духов, которые могут быть созданы заклинанием, саламандра не создаётся – она призывается. Она уже существует где-то... ну, скажем так, в огненном плане бытия. И чтобы призвать её в наш мир, нужна очень старая, очень сложная алхимическая формула.

– Насколько старая? – спросила Эвилин, не поднимая глаз от сканера.

– Древняя. До-вавилонская. Возможно, даже древнее Атлантиды. В Академии нам рассказывали, что последние успешные призывы саламандр датируются примерно шестнадцатым веком. Потом формулы были утрачены. Возможно, просто спрятаны или запрещены – тут мнения расходятся. Профессор Мордред Флойд, который читает у нас курс "Элементали", говорил, что саламандру нельзя призвать без согласия самой саламандры. Это не рабство. Это... партнёрство.

– Партнёрство, – повторил Артур. – То есть у саламандры есть своя воля. И если она подчиняется человеку в плаще, значит, у них общая цель.

– Именно! – Фицвильям остановился и взмахнул рукой, едва не опрокинув чашку. – И ещё, сэр. Чешуйка, которую я нашёл... она не просто мертвая часть элементаля. Она резонирует. Понимаете? Когда я держу её в руке, я чувствую тепло, но не физическое, а магическое. Как будто саламандра всё ещё где-то рядом или как будто она оставила часть себя.

Артур переглянулся с Эвилин. Та сняла очки, протёрла их и снова надела.

– Я бы хотела изучить эту чешуйку, – сказала она, – в лабораторных условиях. Если она действительно резонирует с саламандрой, мы могли бы использовать её как своего рода компас.

– Забирайте, – Фицвильям неожиданно легко согласился и протянул Эвилин чешуйку. – Только осторожно. В каком-то смысле она живая.

Эвилин приняла чешуйку пинцетом и поместила её в отдельный контейнер.

В этот момент из мастерской вышел Брок. В руках он держал свёрнутые в трубку чертежи.

– Пока вы тут чай гоняете, я кое-что нашёл, – проворчал он, кладя чертежи на стол. – Вернее, не нашёл, а получил. Почтовый пингвин притащил с утра пораньше. Я сначала подумал – счёт за прошлый ремонт "Нырялки". А это, глядите...

Он развернул листы. Это были подробнейшие технические схемы какого-то летательного аппарата сигарообразной формы, с выдвижными крыльями. Как пояснил Брок, корабль оборудован комбинированным двигателем "воздух-вода" и магической установкой на трёх кристаллах. Чертежи были выполнены тушью, с безупречной точностью, с примечаниями на полях, сделанными мелким, но очень разборчивым почерком.

Эвилин, бросив взгляд на схему, замерла.

– Это... – она запнулась. – Этого не может быть.

– Что такое? – спросил Артур.

– Почерк, – прошептала Эвилин. – Это почерк профессора Стилтона. Моего наставника. Он пропал год назад. Я думала... мы все думали, что он погиб при эксперименте, но это точно его рука. Я не могу ошибиться.

Она взяла один из листов дрожащими пальцами и поднесла к глазам. На полях, рядом с расчётами мощности кристаллов, было приписано тем же мелким почерком: "Для дела. Ф.С.".

– "Для дела", – прочитала Эвилин вслух. – Какого дела? И почему он не подписался полностью? Почему просто инициалы?

– Потому что кто-то не должен знать, что он жив, – медленно произнёс Артур. – Если профессор Стилтон скрывается, но при этом присылает нам чертежи, значит, он знает, чем мы занимаемся. И считает, что этот аппарат нам понадобится.

Брок уже жадно изучал схемы. Его глаза горели профессиональным азартом.

– Это летающий корабль, – сказал он. – Вернее, подводно-воздушный. Как наша "Нырялка", только на порядок сложнее. Три кристалла, складные крылья, водомётный движитель... Понд, ты хоть понимаешь, что это? Это не просто чертёж. Это готовый проект. Если мы построим такую штуку, мы сможем летать хоть куда! Хоть в Альбион, хоть в другие миры!

– И именно это, я полагаю, нам и предстоит, – сухо заметил Артур. – Но прежде чем строить летающий корабль, нужно разобраться с тем, что происходит на этой земле.

Он не успел договорить, как на столе зазвонил телефон.

Артур снял трубку.

– Понд слушает.

– Артур, это Дженкинс, – раздался в трубке знакомый, чуть хриловатый голос, и Артур мгновенно представил себе старого друга, который и был на том конце провода. Тот был невысокий, круглолицый, с пышными седыми усами, делавшими его похожим на отставного моржа. Инспектор Дженкинс служил в полиции графства Кент уже двенадцать лет и был одним из немногих людей, с которыми Артур поддерживал связь после своей отставки. Они вместе начинали ещё в Лондоне, патрулировали Ист-Энд, ловили карманников на Пикадилли, а потом

Дженкинс перевёлся в провинцию "поближе к природе и подальше от туманов", как он сам любил говорить. Сейчас в его голосе сочилось не обычная для полицейского в возрасте усталость, но в нём слышалась та особая, напряжённая нота, которая появляется у полицейских, когда дело касается чего-то, выходящего за рамки их понимания.

– Слушай, у нас тут дело, которое, боюсь, по твоей части, – продолжил Дженкинс, и в трубке послышался шорох – видимо, он прикрыл микрофон ладонью, чтобы никто посторонний не слышал разговора. – Деревня Чилхэм, это в десяти милях от Кентербери. Тихая дыра, пара сотен жителей, церковь, паб, кузница, всё как положено. Арестована молодая женщина по имени Элинор Блэквуд. Местные жители обвиняют её в колдовстве. Говорят, она навела порчу на поместье лорда Уинтерботтома, у которого после её визита начались пожары, а у арендаторов лорда настоящий мор скота.

– Обвинение в колдовстве? – Артур нахмурился. – В нашем просвещенном тысяча девятьсот пятьдесят пятом году?

– Вот именно, – голос Дженкинса звучал устало. – Я бы списал всё на деревенские суеверия, но есть два обстоятельства. Первое: пожары действительно странные. Огонь не распространяется, не дымит, а выжигает всё дотла в радиусе строго определённой площади. Второе: девушка не похожа на ведьму. Она то ли химик, то ли алхимик, но точно весьма образованная и начитанная особа. К тому же закончила какой-то частный пансион. При ней нашли кучу записей и реактивов, но ничего противозаконного с точки зрения права. Однако толпа требует суда, и местный магистрат склонен толпу удовлетворить.

– Что значит "толпа требует суда"?

– А то и значит, Артур, что в деревне уже собираются жечь чучело. – В голосе Дженкинса прорезалась горечь. – Вчера вечером я видел, как дети мастерили куклу из соломы. Знаешь, что они кричали? "Ведьму – на костёр!". Это дети, Артур. Дети повторяют то, что слышат от взрослых. Если мы не вмешаемся, следующим после чучела может стать живой человек. Ты же знаешь, как это бывает в глубинке. Страх здесь гуще столичного тумана. Он забивает людям уши, и они перестают слышать доводы рассудка.

Артур это прекрасно знал. Он слишком хорошо понимал, как быстро страх превращается в ярость, а ярость – в самосуд. За годы службы в Скотланд-Ярде он видел такое не раз. Толпа, охваченная паникой, теряет человеческое лицо. И потом, когда всё заканчивается, каждый из её участников говорит: "Я только стоял и смотрел". Но человек был уже мёртв.

– Я выезжаю, – сказал он. – Держи её под охраной, Дженкинс. И постарайся, чтобы до моего приезда никто не пострадал. Никто – ты понимаешь?

– Постараюсь. До встречи.

Артур положил трубку и повернулся к команде.

– У нас новое дело, – объявил он. – Точнее, параллельное с нынешним. В деревне Чилхэм, графство Кент, арестована женщина–алхимик по обвинению в колдовстве и поджогах. Учитывая, что в Лондоне только что появилась саламандра, а поджоги в Кенте начались примерно в то же время, я склонен предположить, что эти события связаны.

– Алхимик? – встрепенулся Фицвильям. – Настоящий?

– Это мы и выясним. Фицвильям, вы со мной. Эвелин и Брок – остаётесь здесь. Брок, изучайте чертежи Стилтона. Эвелин, займитесь анализом чешуйки. И ещё – проверьте архивы Общества Сдержанной Магии на предмет всех известных случаев появления саламандр за последние... скажем, триста лет.

– Будет сделано, – кивнула Эвелин, уже открывая ящик с картотекой.

Через час Артур и Фицвильям уже сидели в купе первого класса поезда "Лондон – Кентербери". Паровоз, пытая и отдуваясь, тащил состав сквозь серую ноябрьскую морось. За окном проплывал унылый пейзаж, где голые, чёрные от сырости деревья тянули к небу скрюченные ветви, словно прося пощады у надвигающейся зимы. Поля, ещё недавно золотые от

пшеницы, лежали бурыми заплатками на теле земли. Редкие фермы жались к рошам, и дым из их труб стелился низко, смешиваясь с туманом. В купе было тепло, пахло угольной гарью и кожей сидений. Мерный стук колёс настраивал на философский лад.

Артур методично изучал записи протоколов, надиктованные Дженкинсом, делая пометки в своём неизменном блокноте. Его лицо, как всегда, было спокойным, но пальцы, державшие карандаш, едва заметно напрягались, когда он перечитывал описание пожаров. Эти строчки вызывали в его памяти смутные, тревожные ассоциации, которые он предпочитал не ворошить.

Фицвильям, в своём лимонном сюртуке и кедах, на которых в этот раз оба шнура были белыми, из-за того, что тактический эксперимент с хроматическим диссонансом завершился, читал толстый фолиант под названием "Элементали: от гомункулов до пламени", то и дело восклицая и зачитывая абзацы вслух.

– Вы только послушайте, сэр! "Саламандра, будучи элементом первичного огня, не способна причинить вред тому, чья аура настроена на ту же частоту, что и её собственная. Более того, между саламандрой и носителем резонансной ауры может возникнуть связь, именуемая Огненным Родством..."

– Фицвильям, – прервал его Артур, не отрывая взгляда от окна, – вы когда-нибудь задумывались о том, что закон и магия – во многом схожие инструменты?

Фицвильям захлопнул книгу. Вопрос застал его врасплох.

– В каком смысле, сэр?

– В прямом. И то, и другое – сила, которая становится весьма опасной, если её применять бездумно. И, в то же время, спасительная, если действовать по правилам. В Чилхэме мы столкнёмся с тем, что люди, охваченные страхом, готовы уничтожить человека только на основании слухов. Это древний, как мир, хаос, прикрывающийся маской справедливости. Наш долг – не дать этому хаосу победить. Закон – это метод, Фицвильям. Он требует точности, логики и не терпит суеверий. Так же, как и ваша магия. Вы ведь не станете применять заклинание, не зная его формулы?

– Конечно, нет! – возмутился Фицвильям. – Это было бы безответственно!

– Вот именно. А судить человека на основании сплетен – это то же самое, что колдовать без формулы. Результат непредсказуем и, скорее всего, разрушителен. В Чилхэме мы будем применять закон так же тщательно, как вы применяете заклинания. Факты, улики, логика – и ничего больше.

– Что бы не повторилось, как в средние века, – тихо сказал Фицвильям. – Охота на ведьм.

– Именно. И наша задача – сделать так, чтобы в Чилхэме все прошло строго по закону.

Поезд замедлил ход. За окном показались первые старые, фахверковые дома Кентербери, покрытые красной черепицей. Городок, помнивший ещё Чосера и его паломников, дремал под моросящим дождём. Фицвильям спрятал книгу в саквояж и поправил галстук-бабочку.

– Я вас не подведу, сэр, – сказал он серьёзно.

Артур кивнул.

– В этом я даже не сомневаюсь.

В Кентербери их уже ожидали. Инспектор Дженкинс собственной персоной, ещё более похожий на моржа, чем помнилось Артуру, – усы которого, казалось, стали ещё пышнее, а лицо обрело тот особый, сероватый оттенок, который появляется у людей, слишком долго имеющих дело с человеческой глупостью, – встретил их на платформе и сразу же усадил в полицейский "Остин".

– Девушку содержим в участке, – рассказывал он, пока автомобиль петлял по узким улочкам Кентербери, а затем выехал на просёлочную дорогу, ведущую к Чилхэму. – Формально она под арестом, но условия вполне человеческие. Отдельная камера, чай, книги. Она, знаешь ли, попросила не адвоката, а учебник по органической химии. Странная девица.

– Что говорят свидетели? – спросил Артур.

– Показания весьма противоречивые. – Дженкинс вздохнул. – Одни утверждают, что она прокляла скот лорда Уинтерботтома. Другие – что она сама пострадала от пожара, который устроил кто-то другой. Третьи вообще говорят, что видели, как она летала на метле. Люди здесь, знаешь ли, своеобразные. Нет, они не злые. Но они тёмные. Телевизоров у них нет, газеты приходят с опозданием, а главное развлечение – сплетни. А когда в деревне случается что-то непонятное, сплетни быстро превращаются в байки. А байки – в обвинения.

– А сама Элинора что говорит?

– Говорит, что невиновна, и требует справедливого суда с присяжными. – Дженкинс хмыкнул. – Боюсь, присяжных она тут не найдёт. Вся деревня уже вынесла ей окончательный приговор.

Артур задумался. Это звучало довольно странно. Девушка была образованна, начитана, явно знала себе цену. И она требовала суда присяжных – не просто юридической процедуры, а открытого процесса, где её судьбу решали бы обычные люди. Это говорило либо о её невестной наивности, либо о твёрдой уверенности в своей невиновности. Артур склонился ко второму.

– Давай-ка, Дженкинс, отвези нас сначала в гостиницу, – попросил он. – Я хочу выслушать этих "очевидцев" до того, как встречу с обвиняемой.

В деревенской гостинице "Королевский дуб" царило то особое, гудящее оживление, которое бывает в английской провинции только в двух случаях: когда кто-то умирает и когда кому-то грозит виселица. Новость о приезде столичного инспектора из "какого-то там аномального отдела" облетела Чилхэм быстрее, чем пожар сухую солому. К тому моменту, как Артур и Фицвильям вошли в общий зал, там уже собралось не меньше двух дюжин местных жителей, и все они жаждали высказаться.

Зал "Королевского дуба" представлял собой большую комнату с низким, закопчённым потолком, пересечённым массивными дубовыми балками. На стенах висели оловянные кружки, конская сбруя и пожелтевшая гравюра, изображавшая битву при Азенкуре. В огромном камине ревел огонь, и его отблески плясали на лицах собравшихся, делая их похожими на маски. Пахло элем, дымом и мокрой шерстью. Артур выбрал стол в углу, откуда хорошо просматривался весь зал, раскрыл блокнот и кивнул Дженкинсу, давая понять, что можно начинать.

Первой перед ним предстала миссис Трамбл, вдова местного пекаря, – пожилая дама в накрахмаленном чепце, с лицом, похожим на печёное яблоко, и с вязальным крючком в руке, которым она размахивала, как дирижёрской палочкой. Она была из тех старух, что знают всё обо всех, а чего не знают – додумывают на ходу, искренне веря в собственные выдумки.

– Я видела это собственными глазами! – заявила она, едва успев усесться на стул. – Она превратилась в чёрного пса! Огромного! С горящими глазами! И побежала к поместью лорда Уинтерботтома!

Артур поднял глаза от блокнота.

– В котором часу это было?

– В полночь!

– И что вы делали на улице в столь позднее время?

Миссис Трамбл на секунду замялась, и её крючок перестал вращаться.

– У меня бессонница. Я вышла подышать воздухом.

– В полночь. В ноябре. И, наверняка, с вязальным крючком в руках. – Артур сделал пометку в блокноте. – Миссис Трамбл, будьте добры, опишите пса подробнее. Какого он был размера? Какой породы?

– Породы? – старуха задумалась. – Ну, большой. Очень большой. Как телёнок.

– Телёнок, – повторил Артур и записал. – Значит, чёрный пёс размером с телёнка, с горящими глазами, выскочил из дома мисс Блэквуд и побежал к поместью лорда Уинтерботтома.

И вы видели это в полночь, стоя на улице с вязальным крючком в руках. Благодарю вас. Следующий свидетель.

Следующим оказался местный кузнец – краснолицый мужчина с ручищами, похожими на две кувалды, и с таким выражением лица, словно он только что обнаружил, что кто-то подковал его любимую лошадь задом наперёд. Он тяжело опустился на стул и сложил руки на груди.

– Имя? – спросил Артур.

– Джейкоб Хопкинс, кузнец. – Его низкий, рокошущий голос оказался под стать внешности. – И я скажу вам прямо, инспектор: эта женщина – ведьма. Она навела порчу на моих коров.

– Каким образом?

– Коровы перестали давать молоко. Все три. А одна... одна даже пыталась говорить человеческим голосом.

В зале повисла тишина. Кто-то из крестьян хмыкнул, но осёкся под взглядом кузнеца. Фицвильям подался вперёд с выражением живейшего интереса на лице.

– И что же она сказала? – спросил он.

Кузнец набрал в грудь воздуха и, явно цитируя по памяти, произнёс:

– "Отпусти меня, дубина, я не корова!"

В зале кто-то фыркнул. Потом ещё кто-то. Через секунду в гостинице раздался грохот от хохота. Даже Дженкинс, стоявший у двери, провел ладонью по усам, чтобы скрыть улыбку. Кузнец побагровел так, что его лицо стало почти одного цвета с раскалённым железом, с которым он работал.

– Вы зря смеётесь! – рявкнул он. – Это была порча! Моя корова никогда раньше ничего подобного не позволяла! А тут вдруг заговорила, да ещё таким голосом, будто я ей всю жизнь поперёк шерсти гладил!

– Мистер Хопкинс, – спокойно произнёс Артур, – ветеринар осматривал корову?

– Осматривал, – нехотя признал кузнец. – Сказал, что у неё был жар. И что я сам, возможно, переутомился.

– Благодарю вас. Это очень ценная информация. – Артур сделал очередную пометку. – Следующий свидетель.

Третий свидетель, молодой парень по имени Том Бартон, работник с фермы лорда Уинтерботтома, выглядел так, словно его только что вытащили из постели. Волосы его были всклокочены, рубашка застёгнута не на те пуговицы, а глаза бегали во все стороны. Он явно не хотел здесь находиться, но отказываться от роли свидетеля в деревенской драме было не принято.

– Я видел, как она летала, – выпалил он, едва усевшись перед инспектором. – Прямо над деревней. На метле.

– На метле? – уточнил Артур. – Обычной метле?

– Ну да. С прутьями. И она кричала: "Я ведьма, я лечу!"

– Прямо так и кричала?

Том замялся, почёсывая затылок.

– Ну... может, не совсем так. Может, она кричала: "Помогите, я падаю!" Но это же одно и то же!

– Не совсем, – заметил Артур. – Скажите, Том, а вы не заметили рядом с ней, например, лестницу?

Том наморщил лоб, вспоминая.

– Лестница была, – признал он. – Она стояла на крыше, у самой трубы. Но кричала-то она! Ох, как кричала!

Когда свидетели закончили давать показания, Артур закрыл блокнот и подвёл для себя итог. Картина вырисовывалась ясная – все обвинения строились на песке. Страх и суевер-

рия сделали своё дело – обычные, ничем не примечательные события обросли мистическими подробностями, и вот уже вся деревня требует сжечь ведьму.

Тюрьма Чилхэма, куда они отправились после гостиницы, представляла собой небольшое, но крепкое здание из серого камня, больше похожее на амбар, чем на место заключения. Внутри пахло карболкой, старым деревом и почему-то лавандой – возможно, таким образом констебль просто пытался заглушить запах сырости. Дежурный провёл Артура и Фицвильяма в допросную – маленькую комнату с голыми стенами, деревянным столом и двумя стульями.

Элинор Блэквуд оказалась совсем не такой, какой её рисовало воображение после рассказов местных жителей. Молодая женщина лет двадцати пяти с копной медно-рыжих, слегка растрёпанных волос и лицом, усыпанным веснушками, больше походила на увлечённого исследователя, чем на злую колдунью. Защитные очки были сдвинуты на лоб, открывая живые, умные глаза, которые, казалось, постоянно что-то анализировали. Одетый поверх простой блузы зелёный кожаный жилет был покрыт пятнами от химических реактивов – жёлтыми, синими, бурыми. Руки, которые она нервно сжимала на коленях, тоже носили следы её профессии. Увидев вошедших, она тут же заговорила весьма живо, эмоционально жестикулируя, словно Артур и Фицвильям были не инспекторами, а коллегами по научному цеху.

– Инспектор Понд, я полагаю? – она даже не дала Артуру представиться. – Наслышана, что вы расследуете аномальные вещи. Это замечательно, потому что здесь творится сущий театр абсурда! Я – не ведьма, я учёная. Изучаю древние науки, в частности алхимию. А эти люди, – она мотнула головой в сторону двери, – видят дьявола в каждой пробирке.

– Мисс Блэквуд, – Артур спокойно сел напротив и раскрыл блокнот, – давайте по порядку. Местные жители утверждают, что вы превращались в чёрного пса.

– Чёрный пёс? – Элинор всплеснула руками. – Это соседский лабрадор! Милейшее создание, но у него дурная привычка – он обожает валяться в золе у кузницы. Каждый вечер возвращается домой чёрным, как трубочист. Миссис Трамбл, наверное, увидела его в сумерках, а у неё, между прочим, катаракта на обоих глазах, и вообразила невесть что. Спросите у ветеринара и он подтвердит, что лабрадор и зола очень далеки от мистики.

– А летающая метла?

– Шторм сорвал флюгер с крыши моего дома, – Элинор говорила быстро, но чётко, как человек, привыкший излагать факты. – Я полезла его чинить. Крыша крутая, черепица мокрая, я поскользнулась и чуть не упала. Конечно, я закричала – любой бы закричал на моём месте. А этот парень, Том, проходил мимо и, видимо, решил, что я лечу. Хотя я в тот момент не летела, я натурально падала – разница существенная, не находите?

– Говорящая корова? – подал голос Фицвильям.

Элинор фыркнула.

– У коровы был жар. Я разбираюсь в ветеринарии ровно настолько, чтобы понять, что когда у животного температура, оно может вести себя странно. Мычать, метаться, пускать пену. Кузнец, видимо, услышал что-то похожее на слова, и его воображение дорисовало остальное.

Артур сделал несколько пометок и перешёл к главному.

– А пожары? Лорд Уинтерботтом утверждает, что они начались после вашей ссоры.

Впервые за время разговора Элинор помрачнела.

– Да, мы поссорились. Этот напыщенный индюк отказался финансировать мои исследования, назвав их "грязным ремеслом для черни". Я вспыхнула и наговорила ему дерзостей – не отрицаю. Но месть? Устраивать пожары? Это не мой метод. Мои исследования были посвящены созданию стабилизирующего состава. Я пыталась воссоздать "привлекающий эликсир" – древнюю формулу, которая, согласно трудам одного старинного учёного по имени Торвальд, могла бы привлечь и удержать огненного элемента, саламандру. Это не магия, – она выделила это слово голосом, – а древняя наука, которую мы просто ещё не понимаем. Как электричество двести лет назад. Как радиоактивность – сто лет назад. То, что когда-то казалось чудом, сегодня описывается формулами.

– Вы верите в существование саламандр? – быстро спросил Фицвильям.

– Как в теоретическую возможность – да. – Элинор поправила очки на лбу. – Но мои записи... их украли. Кто-то пробрался в мою лабораторию за день до первого пожара. Я думала, это просто завистники или конкуренты. А теперь вижу, что кто-то использовал мои формулы на практике. И если этот кто-то выпустил саламандру, последствия могут быть катастрофическими.

Артур переглянулся с Фицвильямом. Всё сходилось. Человек в плаще не просто бродил по Лондону – он, или кто-то, стоявший за ним, имел доступ к передовым, хоть и древним, алхимическим знаниям. Элинор была не виновна, но она была ключом к одной из частей всей головоломке.

– Мисс Блэквуд, – сказал он, поднимаясь. – Я намерен выступить вашим защитником на предстоящем процессе. Не как частное лицо, а как официальный представитель отдела, которому ваши знания необходимы для следствия. Ваш опыт, ваши исследования – всё это может помочь нам остановить того, кто украл ваши формулы и теперь использует их во вред. Взамен я прошу вас о сотрудничестве. Вы поможете нам понять природу саламандры, а я позабочусь, чтобы справедливость восторжествовала.

Элинор впервые за время разговора открыто и немного удивлённо улыбнулась.

– Вот это, что называется, деловое предложение, инспектор. По рукам.

Она протянула ему свою перепачканную реактивами ладонь, и Артур, не колеблясь, пожал её. Фицвильям, глядя на эту сцену, почувствовал, как в груди у него разливается стран-

ное тепло от облегчения. Закон, о котором говорил Артур в поезде, действительно был инструментом и сейчас этот инструмент работал и был в надежных руках.

Они уже взялись за ручку двери, когда в коридоре послышался топот. В допросную влетел запыхавшийся помощник шерифа.

– Инспектор Понд! – выпалил он. – Срочное сообщение из Лондона! В ювелирном магазине на Бонд–стрит только что произошёл пожар! Огонь вспыхнул и погас сам собой. Никто не пострадал, но всё золото в магазине расплавилось. И... и свидетели говорят, что видели огненную ящерицу. Она вылетела из витрины и растворилась в воздухе.

Фицвильям и Артур переглянулись. Саламандра вернулась в Лондон.

– Дженкинс! – скомандовал Артур, на ходу надевая котелок. – Элино́р Блэквуд – наш главный свидетель. Усильте охрану. Никто не должен приближаться к камере без моего личного разрешения. Фицвильям, берите саквояж. Мы возвращаемся в Лондон. Думаю, мы там найдём гораздо больше материалов по нашему делу.

– По "этому" делу или по "тому"? – попытался уточнить Фицвильям, судорожно хватая саквояж в охапку.

– И по тому, и по другому! – ответил Артур, устремляясь к выходу. – Всё это звенья одной цепи, Фицвильям. И пока она не сомкнулась у нас на шее, мы должны её разорвать.

Глава 3. Дневник Торвальда

Поезд из Кентербери прибыл на вокзал Виктория с опозданием на двенадцать минут. Артур Понд, который неодобрительно относился к любым отклонениям от расписания, сделал короткую пометку в блокноте и первым вышел на платформу. Фицвильям следовал за ним, на ходу засовывая в саквояж фолиант "Элементали", который он читал всю дорогу и который теперь угрожающе топорщил стенки саквояжа, словно пытался вырваться на свободу.

У выхода с вокзала их уже ждал старенький "Моррис". Брок сидел за рулём, выставив локоть в приоткрытое окно, и демонстративно смотрел на часы со множеством стрелок, показывающих время в разных мирах. Эвелин расположилась на заднем сиденье, обложившись какими-то распечатками.

– Двенадцать минут, – проворчал Брок вместо приветствия. – Я уж думал, вы там в Кенте навсегда осели. Купили домик с розами, завели пасеку.

– В Кенте розы в ноябре не сажают, – ответил Артур, усаживаясь на переднее сиденье. – И пасеку я бы завёл исключительно в Сассексе. Что с пожаром на Бонд-стрит?

– Потушен, – отрапортовала Эвелин, подаваясь вперёд. – Мы были на месте через двадцать минут после звонка. Пожарные уехали раньше, так как огонь погас сам собой, как и на складе. Никто не пострадал.

– Золото?

– Полностью расплавлено. Все изделия превратились в лужицы металла на полках витрин. Сигнатура та же, что и в доках, – элементаль огня. Саламандра определённо вернулась в Лондон.

– И она всё ещё ищет, – добавил Брок, трогая автомобиль с места. – Я, пока ждал вас, прикинул кое-что. Склад в Уоппинге – кристаллы. Ювелирный магазин – золото. Что между ними общего?

– Магическая ценность, – ответила Эвелин. – Кристаллы были источником тёмной магии. Золото – универсальный магический проводник. Саламандра питается магией. Или, точнее, её хозяин направляет её на объекты, содержащие магическую энергию.

– Именно! – Брок хлопнул ладонью по рулю. – Я тут прикинул кое-что. Пока точек только две – склад и магазин, – так что карту рисовать рано. Но если саламандра появится ещё где-нибудь, я смогу нанести координаты и высчитать закономерность. Для этого нужно как минимум три точки. Так что, парень, – он покосился на Фицвильяма в зеркало заднего вида, – если она снова где-то вспыхнет, сразу дай знать. А пока будем считать, что она просто набирает силу перед чем-то более серьёзным.

"Моррис" свернул на Бонд-стрит. Ювелирный магазин "Братья Гримсби и Сыновья" выглядел так, словно его интерьер пережил короткое, но яростное сражение с доменной печью. Витринное стекло, к счастью, уцелело, но внутри, на бархатных подставках, вместо ожерелий и тiar красовались бесформенные лужицы застывшего золота. Запах внутри стоял специфический. В магазине воняло палёной тканью и сильно нагретым металлом, к чему примешивался лёгкий, едва уловимый аромат жасмина.

Артур обошёл помещение по периметру. Его котелок фиксировал остаточные магические линии, похожи на те, что он наблюдал на складе в виде золотистых спиралей, тускнеющих, как угли. В центре зала они сходились к одной точке – к главной витрине, где ещё утром, судя по каталогу, лежало кольцо с сапфирами стоимостью в двенадцать тысяч фунтов. Теперь там была только желтоватая лужица.

Эвелин уже развернула сканер. Прибор тихо загудел, вычерчивая на экране кривую магического фона.

– Идентично складу, – доложила она. – Та же элементарная сигнатура, та же интенсивность. И, что интересно, никаких следов взлома. Саламандра не входила через дверь. Она просто... появилась внутри.

– Как и на складе, – кивнул Артур. – Портал?

– Похоже на то. Или что-то вроде пространственного сдвига. Я не вижу следов классического портала, которые остались на стене склада. Здесь что-то другое. Более... тонкое, что ли.

Брок тем временем изучал систему вентиляции. Он встал на стремянку, найденную в подсобке, открутил решётку воздуховода и заглянул внутрь. Его гномье чутьё, острое на всё, что связано с механикой и материалами, редко подводило. Через минуту он издал торжествующий возглас.

– Смотрите-ка!

На его ладони лежала переливающаяся, полупрозрачная чешуйка, то появляющаяся, то исчезающая – точь-в-точь такая же, как та, что нашёл Фицвильям на складе. Только эта была крупнее и светилась ярче.

– В вентиляции застряла, – пояснил Брок, спускаясь. – Саламандра, видать, не вся целиком сюда явилась. Что-то вроде проекции. Ну, или она линяет, как змея. Я в элементалях не силен, это по вашей части, – он кивнул Фицвильяму.

Тот осторожно принял чешуйку пинцетом и поднёс к глазам. В её глубине что-то медленно, ритмично мерцало и пульсировало, словно биение сердца.

– Она тоже не омертвела и словно резонирует, – прошептала Эвилин. – Если настроить амулет на эту частоту, как своеобразный компас, то можно попытаться отследить саму саламандру.

– Вот этим и займитесь, – распорядился Артур. – А пока осмотрим остальное.

Осмотр занял ещё полчаса. Артур опросил владельца магазина – пожилого мистера Гримсби, который пребывал в состоянии, близком к апоплексическому удару. Из его сбивчивых показаний удалось выудить одну важную деталь о том, что за несколько минут до пожара в магазин заходил высокий человек в длинном плаще. Он ничего не покупал, просто стоял у витрины и смотрел на кольцо с сапфирами. Продавец хотел подойти, но человек вдруг развернулся и вышел. А через минуту начался пожар.

– Он что-нибудь говорил? – спросил Артур.

– Нет, сэр. Только... мне показалось, он что-то шептал. Но я не разобрал слов.

– Как он выглядел?

– Высокий, очень высокий. И лицо... знаете, я не могу вспомнить его лица. Как будто оно всё время ускользало. Но глаза – глаза я запомнил. Станные. Как угли, сэр. Как тлеющие угли.

Артур и Брок переглянулись. Человек в плаще снова появился.

– Что ж, – произнёс Артур, закрывая блокнот. – Картина проясняется. У нас есть элементарь, который целенаправленно уничтожает объекты с высокой магической ценностью. У нас есть его хозяин – или партнёр, как выразился Фицвильям. И у нас есть свидетель, который видел его вблизи и остался жив. Уже неплохо. Теперь нам нужна информация. Фицвильям, вы говорили, что в Академии Магии есть специалист по элементам.

– Профессор Мордред Флойд, – кивнул Фицвильям. – Он читает курс об элементах. Я слушал его лекции два семестра. Он знает о саламандрах больше, чем кто-либо в Британии. Если кто-то и сможет объяснить, как призвать саламандру и зачем кому-то это понадобилось, то это он.

– Тогда вам прямая дорога туда.

Брок, который уже вернулся к изучению чешуйки, поднял голову.

– Кстати, о летучих штуках. Пока вы там будете беседовать с профессорами, я займусь прототипом. Если Эвилин поможет с расчётами, к вечеру он будет готов к пробному вылету.

– При условии, – добавила Эвелин, поправляя очки, – что Фицвильям не будет находиться рядом с хрупкими механизмами. Никаких "случайных" заклинаний, никаких дымовых шашек в карманах, никаких прикосновений к красным кнопкам.

– Я вообще-то тоже здесь, – обиженно заметил Фицвильям.

– Вот именно, – хором ответили Брок и Эвелин.

Артур спрятал улыбку в уголках губ.

– Фицвильям, отправляйтесь в Академию. Найдите профессора Флойда и узнайте всё, что он знает о саламандрах. И, заодно, о некоем Торвальде. Если мисс Блэквуд не лжёт, её записи основаны именно на его трудах. Возможно, ключ ко всей истории лежит в древних алхимических текстах.

– Будет сделано, сэр.

Фицвильям покинул Бонд-стрит пешком – Академия находилась в невидимом квартале, куда не мог проехать обычный автомобиль, даже с гномьими модернизациями. Он шёл по знакомым улицам – Пикадилли, Риджент-стрит, – сворачивая в переулки, которые обычные лондонцы в повседневной жизни даже не замечали. Магический Лондон существовал параллельно обычному, в складках пространства, в карманах реальности, и попасть в него можно было, только зная точные точки входа.

Одной из таких точек был старый книжный магазин "Кодекс" на Чаринг-Кросс-роуд. Фицвильям вошёл внутрь, кивнул продавцу – сухопарому старику в очках-половинках, который даже не поднял головы от каталога, – и прошёл в отдел "Алхимия и смежные дисциплины". Там, за стеллажом с пыльными фолиантами, скрывалась узкая дверь. Фицвильям приложил к ней ладонь, прошептал пароль – "квинтэссенция", – и дверь бесшумно отворилась.

Академия Магии встретила его привычным гулом.

Величественное здание в викторианском стиле – красный кирпич, стрельчатые окна, горгульи на карнизах, которые, впрочем, не являлись просто украшениями, и одна из них, заметив Фицвильяма, лениво подмигнула ему каменным глазом. Внутри царил организованный хаос. Главный холл с высоким сводчатым потолком был полон студентов. Одни спешили на лекции, прижимая к груди стопки книг. Другие спорили о теории заклинаний, размахивая руками и пуская в воздух цветные искры. Третьи просто сидели на широких подоконниках, свесив ноги, и что-то сосредоточенно записывали в свитки.

Движущиеся лестницы, изобретенные каким-то гениальным магом-архитектором восемнадцатого века, плавно скользили вдоль стен, развозя студентов по этажам. Фицвильям ступил на ближайшую, и лестница, узнав его, или, скорее, считав магическую сигнатуру, повезла его на третий этаж, в крыло теоретической магии.

Здесь было тише. Коридоры, устланные тёмно-зелёным ковром, пахли старыми книгами и воском. Со стен смотрели портреты выдающихся магов прошлого и некоторые из них, заметив Фицвильяма, провожали его взглядом. Один старый маг в напудренном парике даже приподнял бровь, но ничего не сказал.

Фицвильям невольно замедлил шаг. Академия была его домом в течение пяти лет. Здесь он учился, здесь он впервые осознал свою магическую природу, здесь он совершенно случайно поджёг лабораторию на втором курсе, взорвал, так же случайно, накопитель магической энергии на третьем и едва не обрушил потолок в лекционной аудитории на четвёртом, всё так же абсолютно случайно! Нахлынули тёплые, с оттенком ностальгии и лёгкого смущения, воспоминания

– Кембридж? – раздался изумлённый голос за спиной. – Фицвильям Кембридж, это ты?

Он обернулся и увидел, как к нему спешила молодая женщина в мантии младшего преподавателя. Она была высокая, с копной рыжих волос, которые она безуспешно пыталась удерживать под академической шапочкой. Пенелопа Гудфеллоу. Они учились на одном курсе, и Пене-

лопа была одной из немногих, кто не смеялся над его неуклюжестью, а, наоборот, помогала исправлять последствия неудачных заклинаний.

– Пенни! – широко улыбнулся Фицвильям. – Ты теперь преподаёшь?

– Ассистирую профессору Флойду, – она поправила шапочку, которая немедленно съехала набок. – Второй год уже. А ты, я слышала, работаешь в каком-то сверхсекретном отделе? Ловишь преступников, спасаешь мир?

– Ну, не то чтобы спасаю... – Фицвильям смутился. – Так, помогаю по мере сил. Слушай, Пенни, ты сказала – профессор Флойд. Он сейчас в Академии? Мне нужно с ним срочно поговорить по одному безотлагательному делу.

Пенелопа посерьёзнела.

– Он у себя в кабинете. Но, Фиц, он не в лучшем расположении духа. Деканат снова пытается урезать его бюджет на исследования, и он с утра мечет громы и молнии, причем в буквальном смысле. Я своими глазами видела, как искрила его борода.

– Ничего, я рискну.

Он уже собирался идти дальше, но Пенелопа вдруг тронула его за рукав сюртука.

– Фиц, я слышала о саламандре, – сказала она тихо. – В Академии только об этом и говорят. Элементаль в Лондоне – это же с ума сойти. И ещё говорят, что кто-то видел человека в плаще, который ею командует.

– Слухи быстро расходятся, – заметил Фицвильям.

– Это не слухи. Это магический телеграф. Половина профессоров уже в панике. Если саламандра действительно связана с Авалоном, как утверждают некоторые... – она запнулась. – В общем, будь осторожен. И передай инспектору Понду, что Академия, возможно, скоро официально обратится к нему за помощью.

– Обязательно передам.

Они попрощались, и Фицвильям направился к кабинету профессора Флойда. Тот располагался в самом конце коридора, в башне, которую студенты между собой называли "Громо-вой" из-за склонности её обитателя к шумным экспериментам.

Дверь кабинета была приоткрыта. Изнутри доносилось сердитое бормотание и треск электрических разрядов. Фицвильям постучал.

– Войдите! – рявкнул голос. – Если вы из деканата, то я уже сказал, что бюджет вы не урежете! Мои исследования жизненно важны для магической науки, и если вам нужны деньги, продайте коллекцию серебряных ложек ректора!

Фицвильям осторожно протиснулся в дверь.

Кабинет профессора Мордред Флойда представлял собой захватывающее дух зрелище. Он был завален свитками, фолиантами, стеклянными колбами, ретортами, моделями планетарных систем, чучелами неизвестных науке существ и приборами, о назначении которых Фицвильям мог только догадываться. На одной из стен висела огромная карта магических планов бытия, испещрённая пометками и стрелками. На другой – портрет самого Флойда в молодости, с надписью "Будущему лауреату Мерлиновской премии". Лауреатом он, насколько знал Фицвильям, так и не стал.

Сам профессор стоял посреди этого хаоса, склонившись над столом, на котором что-то дымилось и потрескивало. Это был невысокий, сухонький старик с пышной седой бородой, которая действительно слегка искрила. На нём была мантия, когда-то, вероятно, чёрная, а теперь покрытая таким количеством пятен от химикатов, что напоминала палитру сумасшедшего художника. Очки в массивной оправе сидели на кончике носа, а на голове красовался колпак, но не волшебный, а самый обычный, вязаный, с помпоном, какие носят садовники.

– Профессор Флойд? – позвал Фицвильям.

Старик резко выпрямился и уставился на гостя. Его живые, пронизательные глаза несколько секунд изучали Фицвильяма, а затем он неожиданно расплылся в улыбке.

– Кембридж! – воскликнул он. – Фицвильям Кембридж, если мне не изменяет память! Собственной персоной! Проходи, мой мальчик, проходи! Осторожно, не наступи на гомункула – он, правда, полудохлый, но всё равно обидится.

Фицвильям перешагнул через нечто, напоминавшее высушенную ящерицу в стеклянном ящике, и приблизился к столу.

– Простите за вторжение, профессор. У меня срочное дело.

– Срочное? – Флойд прищурился. – Срочное – это когда в лаборатории кончается спирт, а ректор отказывается выписывать новую партию. А всё остальное – это просто повод для чаепития. Хотя, судя по твоему лицу, мой мальчик, чаепитие отменяется. Что случилось?

– Саламандра, – сказал Фицвильям. – В Лондоне появилась саламандра. Мы расследуем это дело – Отдел Аномальных и Сверхъестественных Происшествий. И нам нужна информация. Всё, что вы знаете о саламандрах. И о человеке по имени Торвальд.

Улыбка исчезла с лица профессора. Он снял очки, протёр их о край мантии и снова надел.

– Торвальд, – повторил он медленно. – Ты сказал – Торвальд?

– Да. Алхимик Торвальд. Мы полагаем, что кто-то использовал его формулы, чтобы призвать саламандру.

Флойд опустил в старое, скрипучее кресло с продавленным сиденьем и жестом предложил Фицвильяму сесть напротив.

– Торвальд, – произнёс он, и в его голосе послышались нотки благоговения, которых Фицвильям никогда раньше за ним не замечал. – Торвальд был не просто алхимиком, мой мальчик. Он был последним из Великих. Последним, кто понимал язык элементарей. После него по этому вопросу наступила полная тишина. Настоящие тёмные века элементарной магии. Никто не мог призвать саламандру многие сотни лет. И вот теперь, говоришь, она здесь?

– Здесь. Мы видели её следы. У нас есть чешуйки, которые резонируют с её магией. Она уничтожила слёзы бездны на складе в доках и расплавил золото в ювелирном магазине. И ею кто-то управляет. Скорее всего, некий человек в плаще.

Флойд долго молчал. Искры в его бороде совершенно погасли. Потом он поднялся, подошёл к одному из книжных шкафов, запертому на магический замок, и приложил к нему ладонь. Шкаф отворился, явив взгляду ряды древних фолиантов в кожаных переплётах.

– Дневник Торвальда, – сказал профессор. – Он существует. Это не легенда, не миф. Он хранится в Отделе Опасных Манускриптов библиотеки Академии. Достать его – целая бюрократическая эпопея. Нужны подписи декана, ректора, разрешение Совета Безопасности и, если не повезёт, согласование с Обществом Сдержанной Магии. Но у меня есть ключ.

– Ключ? – переспросил Фицвильям.

– Ключ, – подтвердил Флойд, и в его глазах заплескались озорные искорки. – Магический ключ, который я, скажем так, одолжил у библиотекаря лет двадцать назад и забыл вернуть. Но, видишь ли, мой мальчик, – он развёл руками, – я старый человек. У меня склероз. Я забыл, куда его положил.

Фицвильям моргнул.

– Вы забыли, куда положили ключ?

– Абсолютно. Но я точно помню, что он где-то здесь, – Флойд обвёл рукой кабинет. – Среди этих свитков, колб и чучел. Найти его – задача для молодого и энергичного мага. Ты, случайно, не молодой и не энергичный?

– Вообще-то...

– Вот и отлично! – профессор хлопнул в ладоши. – Значит, договорились. Ты помогаешь мне найти ключ, а я помогаю тебе получить дневник. И не смотри на меня так, будто я предлагаю тебе сделку с дьяволом. Это честный обмен. К тому же, – он понизил голос, – у меня есть для тебя кое-что ещё. Но об этом позже. Сначала – ключ. А перед этим...

Профессор Флойд сделал драматическую паузу, и Фицвильям почувствовал, что сейчас последует нечто, что ему не понравится.

– ...перед этим, – закончил старый маг, – ты покормишь василиска.

Фицвильям моргнул. Он ожидал чего угодно – бюрократической головоломки, магической дуэли, загадки на древне–кельтском, – но только не василиска. В Академии давно ходили леденящие душу легенды о василиске профессора Флойда. Говорили, что он способен обратить в камень одним взглядом, что он размером с дракона и что его кормят исключительно провинившимися студентами. Фицвильям, разумеется, не верил в эти рассказы, по крайней мере, в ту их часть, что касалась студентов, но всё равно почувствовал, как по спине пробежал холодок.

– Профессор, – осторожно начал он, – я, конечно, польщён доверием, но... василиск? Разве они не опасны?

– Опасны? – расхохотался Флойд. – Мой мальчик, всё в этом мире опасно! Опасен чайник, если его передержать на огне. Опасна лестница, если по ней мчаться стремглав, а не спокойно идти. Опасны деканские собрания – там можно умереть от скуки! А мой василиск – он просто ящерица. Правда, с характером и с очень специфическими гастрономическими предпочтениями. Но ты справишься. Ты же у нас специалист по аномальным происшествиям, верно?

Он уже поднялся с кресла и теперь рылся в куче свитков на подоконнике, разыскивая что–то.

– Ага, вот она! – профессор извлёк на свет небольшую клетку, в которой копошились четыре белые мыши. – Корм для малыша. Обрати внимание, что каждая мышь белая, с одним–единственным чёрным пятнышком на левом боку. Это принципиально. Если пятнышко на правом боку, малыш отказывается есть. Если пятнышка нет совсем – он обижается и не разговаривает со мной неделю.

– Он... разговаривает? – слабым голосом переспросил Фицвильям.

– Не словами, конечно. Но ты бы видел, как он выразительно смотрит! Идём, идём.

Террариум располагался на первом этаже, в крыле, которое студенты называли "Зверинцем". Здесь держали магических существ для учебных целей. Проходя по коридору, Фицвильям заметил в одной из аудиторий группу первокурсников, которые с благоговейным ужасом наблюдали за демонстрацией взрослого дракона–огневика – тот размеренно дышал, пуская кольца дыма, а преподаватель объяснял устройство его горловых желез. В другой аудитории студенты постарше отрабатывали заклинание левитации на сонном гиппогрифе.

Профессор Флойд остановился перед дверью с табличкой "Террариум. Посторонним вход воспрещён. Особенно студентам". Он приложил ладонь к замку, что–то прошептал, и дверь отворилась.

Внутри было тепло и сумрачно. Вдоль стен тянулись стеклянные витрины, в которых, подсвеченные мягким зеленоватым светом, росли странные растения – одни с пульсирующими цветами, другие с листьями, похожими на кристаллы. В углах тихо журчали аквариумы. Но главным обитателем террариума был, разумеется, василиск.

Он возлежал на подушке из тёмно–красного бархата, словно монарх на троне. Размером он был примерно с таксу, может, чуть крупнее. Его чешуя отливала изумрудной зеленью, а вдоль хребта тянулся гребень, который сейчас был слегка приподнят, но не агрессивно, а скорее, как выражение любопытства. Глаза василиска, большие и золотистые, с вертикальными зрачками, внимательно изучали вошедших. Вид у него был царственный, пресыщенный и слегка сварливый – как у пожилого аристократа, которому мешают отдыхать.

– А вот и малыш, – ласково произнёс Флойд. – Кецалькоатль Пятый. Домашнее имя – Малыш. Он, конечно, уже далеко не малыш, ему сто тридцать два года, но для василиска это подростковый возраст. Правда, мой хороший?

Василиск перевёл взгляд на Фицвильяма и медленно, демонстративно зевнул, показав двойной ряд острых, как иглы, зубов.

– Он тебя оценивает, – пояснил профессор. – Не дёргайся и не делай резких движений. Василиски уважают только тех, кто держится уверенно. Или тех, кто их кормит. Последних – особенно.

– А как же... взгляд? – спросил Фицвильям, невольно пятясь назад. – Разве василиски не обращают в камень?

– Дикие – обращают. А наш Малыш – культурный, воспитанный, образованный василиск. Он, если захочет, то, конечно, может превратить в камень, но он не захочет. Особенно если ты ему понравишься. А чтобы ты ему понравился, нужно выполнить три условия. Первое – мыши должны быть правильной расцветки. Второе – кормить нужно с рук. Третье...

Профессор сделал паузу, и Фицвильям почувствовал, что третье условие ему точно не понравится.

– Третье – во время кормления нужно петь старинную гномью колыбельную. "Спи, мой камень, спи, мой уголёк". Мотив простой, слова я тебе дам. Без колыбельной Малыш не ест. Говорит, что еда без музыки – это просто еда, а он хочет, чтобы это было искусство.

– Я не умею петь, – беспомощно сказал Фицвильям.

– Все так говорят. Бояться не стоит, ведь Малыш не критик. Ему важен ритуал, а не вокальные данные. Ну, смелее!

Через минуту Фицвильям стоял перед витриной василиска с дрожащей белой мышью в руке. Мышь, к счастью, не осознавала своей участи и спокойно сидела на ладони, подёргивая розовым носом. Василиск приподнял голову и заинтересованно принялся.

Фицвильям откашлялся и запел.

– Спи–и–и, мой ка–а–амень, спи–и–и, мой у–у–уголёк...

Голос у него был не то чтобы плохой – скорее, неуверенный. Он фальшивил на высоких нотах, забывал слова и вообще чувствовал себя нелепо. Но василиск, вопреки ожиданиям, не бросился на него с разинутой пастью. Вместо этого он склонил голову набок и издал звук, похожий на сдержанное фырканье. Будто говорил: "Ну и ну, и это называется пение?".

– Продолжай, продолжай! – подбодрил профессор. – Ему нравится!

– Засыпа–а–ай под землё–ё–ёй... – тянул Фицвильям, чувствуя, как краска заливает щёки. – Гномы у–у–шли, оча–а–аг пога–а–ас...

На последней строке василиск, видимо, сжалился над ним. Он наклонился, аккуратно взял мышь с ладони и проглотил её одним молниеносным движением. Затем посмотрел на Фицвильяма долгим взглядом, в котором читалась сложная гамма чувств от снисхождения и скуки, до лёгкого одобрения. Царь принял подношение. Можно было выдохнуть.

– Превосходно! – воскликнул Флойд. – Просто превосходно! Он тебя принял. Теперь можешь считать, что ты в элитном клубе. Знаешь, сколько студентов проваливали это испытание? Один даже упал в обморок, не допев первого куплета. А ты справился.

Он подошёл к книжному шкафу в углу террариума – на вид совершенно обычному, если не считать того, что на его корешках росли крошечные светящиеся грибы, – и извлёк оттуда тяжёлый фолиант. Книга была в переплёте из тёмной, почти чёрной кожи, с металлическими уголками и застёжкой в виде змеи, кусающей свой хвост. От неё пахло серой, старым пергаментом и чем–то сладковатым, отдалённо напоминающим жасмин.

– Дневник Торвальда, – произнёс профессор, и в этот момент его голос мгновенно утратил шуточные нотки. – Я храню его здесь, потому что Отдел Опасных Манускриптов – это проходной двор. Любой ректор, любой инспектор из Совета Безопасности может войти туда и взять что угодно. А сюда, – он кивнул на василиска, который уже снова улёгся на подушку, – сюда они не суются.

– Но почему вы не хотите, чтобы дневник нашли? – спросил Фицвильям, принимая фолиант. Тот оказался удивительно тяжёлым, словно каждая страница была отлита из металла.

– Потому что есть в этой жизни такие вещи, мой мальчик, которые не должны попадать в чужие руки. Торвальд знал то, чего не знает современная магия. Он говорил с элементами на их языке. Он создал саламандру – не призвал, а именно создал, вырастил из искры, – и она была не оружием. Она была ключом. Ключом к чему–то, что он называл "Великим Синтезом". Но никто так и не понял, что это значит. Кроме, возможно, тех, кто сейчас гоняется за саламандрой по Лондону.

Фицвильям прижал книгу к груди.

– Спасибо, профессор.

– Не благодари. Просто прочитай. И будь осторожен. Я видел твою ауру, ещё когда ты учился здесь. Она... необычная. И если саламандра действительно ищет хозяина, ты можешь оказаться к этой роли ближе, чем думаешь.

С этими загадочными словами профессор Флойд развернулся и направился к двери.

– Я оставлю тебя в читальном зале. Там тихо и никто тебе не помешает. А мне нужно возвращаться к своим опытам. И, Кембридж, – обернулся он на пороге, – если что–то пойдёт не так, зови. Я старый, но пока ещё не бесполезный.

Читальный зал библиотеки Академии был огромен. Высокие стрельчатые окна пропускали серый дневной свет, который падал на длинные дубовые столы и делал пыль в воздухе видимой, превращая её в золотую взвесь, парящую в тишине. За столами сидели студенты. Одни листали фолианты, другие строчили эссе, третьи спали, уронив голову на раскрытую книгу. Тощий, полупрозрачный призрак–библиотекарь, в старомодном сюртуке, парил между стеллажами, время от времени издавая громкое "Ш–ш–ш!" на тех, кто осмеливался шептаться слишком громко.

Фицвильям выбрал самый дальний стол, в нише у окна. Положил дневник Торвальда перед собой. Открыл застёжку–змею.

Страницы были из толстого, пожелтевшего от времени пергамента. Почерк Торвальда был мелким, но разборчивым. Буквы были острые, угловатые, с длинными хвостиками. Фицвильям начал читать. Сначала это были обычные алхимические заметки, формулы, расчёты, наблюдения за свойствами веществ. Но чем дальше он продвигался, тем более личными становились записи.

"Огонь – это не разрушение. Огонь – это освобождение. Я понял это сегодня, когда Искра впервые заговорила со мной. Она не сжигает. Она переводит материю из одного состояния в другое. Она – проводник".

"Я вырастил её из крошечной искры, которую поймал в день летнего солнцестояния. Она росла, питаясь моей радостью. Когда мне было грустно, она угасала. Когда я смеялся, она плясала. Она стала частью меня. Но я знаю, что однажды мне придётся её отпустить".

Фицвильям перевернул страницу. Между пергаментными листами лежал сложенный вдвое листок. Он был пожелтевший, но явно не такой древний, как сам дневник. Он развернул его и узнал почерк профессора Флойда.

"Мальчик мой, я наблюдал за твоей аурой ещё на втором курсе, когда ты поджжёг лабораторию, и я пришёл тушить пожар. Уже тогда я понял, что ты не просто маг с нестабильным даром. Описание такой ауры, как твоя, я нашёл только в одном источнике – в хрониках Торвальда. Он называл их "открытыми". Это значит, что твоя магия не замкнута внутри тебя, как у большинства волишебников. Она истекает вовне, смешивается с миром, притягивает элементов. Саламандра – не единственная, кто может тебя заметить. Тот, кто ею управляет, может заметить тоже. Будь осторожен. Ты не только охотник в этом деле, но и потенциальная цель".

Фицвильям перечитал записку дважды. "Ты – потенциальная цель". Это звучало как предупреждение, адресованное не студенту, и не подопытному, а солдату перед боем.

Он снова взялся за дневник. И через несколько страниц нашёл запись, от которой по спине пробежал холодок. Почерк Торвальда здесь становился неровным, торопливым – словно алхимик писал в состоянии крайнего волнения.

"Я создал саламандру не как оружие, а как ключ. Ключ к вратам, которые я не решаюсь открыть. Но я знаю, что однажды придёт тот, кто сможет это сделать. Саламандра ищет хозяина. Не раба, не повелителя, а хозяина – того, с кем она разделит свою силу. Но привязать её можно только к сосуду с уникальной, нестабильной аурой. Аура должна быть открытой, как незаживающая рана, и чистой, как первый снег. Я нашёл такого мальчика. Ему было семь лет. Я смотрел на него и видел, как вокруг него танцуют огоньки, невидимые для других. Но я не смог. Это слишком жестоко – связать ребёнка с элементом на всю жизнь. Я отпустил его. И потерял Искру".

Фицвильям отодвинул дневник. В читальном зале было тихо, раздавался только шорох страниц и приглушённое "ш-ш-ш" призрака-библиотекаря. Но ему казалось, что весь мир наполнился странным давящим гулом. Мальчик с нестабильной аурой. Мальчик, вокруг которого танцевали огоньки. Торвальд писал это триста лет назад, а значит, тот ребёнок давно состарился, умер, исчез, и история его осталась лишь на этих страницах. Никакой связи с нынешними событиями, кроме чисто теоретической. И всё же описание ауры было до жути знакомым. Нестабильная. Открытая. Привлекающая элементарей.

Фицвильям вспомнил, как в детстве, ещё до Академии, он замечал, что свечи в доме тёти иногда начинали гореть ярче, когда он проходил мимо. Как искры от камина летели в его сторону, словно притянутые магнитом. Как один раз, когда ему было лет девять, он проснулся ночью от того, что одеяло дымилось, хотя пожара не было, но стоял отчетливый запах гари. Тётя Элайза тогда сказала, что это "особенность организма", и велела спать с открытой форточкой. Он привык считать это чудачеством собственного тела – что-то вроде аллергии или веснушек. Но теперь, глядя на запись Торвальда, он впервые задумался: а что, если это не просто особенность? Что, если такой тип ауры – редкость, но не уникальность? Что, если он просто один из немногих?

Торвальд нашёл мальчика триста лет назад. Сейчас нашёлся другой. И саламандра, возможно, ищет именно его – не потому, что он какой-то особенный, а потому, что его аура подходит, как ключ к замку.

Фицвильям поднёс ладони к глазам. В тусклом свете читального зала, под высокими сводами, где даже пыль казалась золотой, его пальцы на секунду окутало едва заметное золотистое сияние. Оно мелькнуло и исчезло так быстро, что он едва успел его заметить.

Он сжал пальцы в кулак и медленно выдохнул. Значит, всё-таки не показалось. Не случайность. Аура действительно реагирует. Но на что? На близость саламандры? На дневник? На его собственные мысли? Ответов не было.

Он закрыл дневник. Нужно было возвращаться в Отдел, но сначала было необходимо вернуть книгу профессору. Фицвильям поднялся из-за стола, стараясь не шуметь, потому как призрак-библиотекарь уже косился на него с явным подозрением, и направился обратно в терриум.

Профессор Флойд ещё был там. Он стоял у витрины с василиском и что-то негромко ему рассказывал. Судя по обрывкам фраз, он говорил о проблемах с деканатом:

– Бюрократы никогда не понимали настоящей науки, мой чешуйчатый друг.

Завидев Фицвильяма, он обернулся.

– Уже прочитал? Быстро, однако. Я думал, ты до вечера просидишь.

– Прочитал, но не всё, – признался Фицвильям, протягивая ему фолиант. – Только ключевые страницы. Там про мальчика с нестабильной аурой... Вы знали?

Флойд принял книгу и бережно поставил её обратно в шкаф с грибами.

– Знал. Потому и написал адресованную тебе записку. Твоя аура, Кембридж, очень похожа на ту, что описана у Торвальда. Не идентична – таких совпадений не бывает, – но очень похожа. И если саламандра действительно ищет носителя открытой ауры...

– Я понимаю, – перебил Фицвильям. – Но я не тот мальчик. Тот жил давным-давно, совсем в другую эпоху. Я просто... похож.

– Вот именно, – кивнул профессор. – Просто похож. Но для саламандры этого может быть достаточно. Элементали не различают столетий. Для них аура – это просто аура. Будь осторожен, мой мальчик. И если что – ты знаешь, где меня найти.

– Спасибо, профессор. За всё.

Флойд махнул рукой и снова повернулся к василиску, который уже начал проявлять признаки нетерпения, которое выказывал нервным постукиванием хвостом по бархатной подушке.

– Иди, Кембридж. У тебя, кажется, есть работа. А у нас тут с Малышом запланирован послеобеденный чай.

Фицвильям покинул террариум и быстрым шагом направился к выходу из Академии. Дневник остался у Флойда, но все важные строки он помнил наизусть. Этого было достаточно. По крайней мере, пока.

Глава 4. "Прыгун"

Когда Фицвильям вернулся из Академии, в подвале Скотланд-Ярда стоял адский грохот. Неосведомлённому человеку могло бы показаться, что это звуки надвигающейся катастрофы, но непередаваемый "трах-бабах" производил лично Брок, а значит, это были фанфары, сопровождавшие рождение чего-то нового, хоть, по всей вероятности, и не совсем безопасного. Источник шума доносился из мастерской, бывшей кладовке, которая теперь официально именовалась "Мастерской ОАСП", а неофициально – "Берлогой Брока".

Фицвильям сунул голову в дверь и замер.

Мастерская напоминала не то кузницу, не то лабораторию безумного изобретателя, не то поле битвы между здравым смыслом и техническим энтузиазмом. Вдоль стен громоздились стеллажи, заваленные медными трубками, алюминиевыми листами, мотками проволоки, банками с болтами и гайками, инструментами неясного назначения и по меньшей мере тремя разобранными чайниками. На верстаке, под тусклой лампой, лежали чертежи профессора Стилтона, придавленные для надёжности увесистым гаечным ключом и полупустой кружкой с чем-то, отдалённо напоминавшим чай.

В центре помещения, занимая почти всё свободное пространство, высился странный аппарат.

Прототип представлял собой сигарообразную капсулу длиной около шести метров, собранную из меди и алюминия. Он напоминал одновременно дирижабль и торпеду, которой в приступе безумия приделали крылья. Короткие, треугольные крылья с выдвижными стабилизаторами крепились по бокам и сейчас были сложены, отчего аппарат походил на хищную рыбу, притаившуюся в засаде. Носовая часть была заострена и снабжена небольшим иллюминатором из усиленного магией стекла. В задней части виднелись сопла – два для водомётного двигателя и одно, центральное, для воздушного винта. Рычаг переключения режимов, как сразу заметил Фицвильям, был выкрашен в ярко-красный цвет и снабжён надписью "НЕ ТРОГАТЬ", выполненной крупными печатными буквами.

Брок стоял на стремянке, прилаживая к корпусу "Прыгуна" какую-то блестящую пластину, и насвистывал гномий марш. Его рабочий фартук был покрыт свежими пятнами масла, а борода, заплетённая в косицы, подрагивала в такт движениям. Рядом, за импровизированным чертёжным столом, стояла Эвилин с логарифмической линейкой в одной руке и сканером магических сигнатур в другой.

Артур Понд наблюдал за происходящим стоя в стороне. Вид у него был спокойный, но Фицвильям достаточно хорошо изучил инспектора, чтобы заметить, как большой палец правой руки Артура едва заметно постукивал по набалдашнику зонта-трости. Это означало, что он напряжённо о чем-то размышляет.

– А, Кембридж! – рявкнул Брок, не оборачиваясь. – Явился, не запылелся! Как там твой профессор? Ещё жив? Или ты его случайно поджёг?

– Профессор в полном порядке, – ответил Фицвильям, осторожно протискиваясь в мастерскую и стараясь не задеть свисающие с потолка провода. – И я никого не поджигал. По крайней мере, сегодня.

– Это прогресс, – заметила Эвилин, не отрываясь от расчётов.

Артур повернулся к Фицвильяму.

– Что удалось узнать?

Фицвильям кратко пересказал содержание дневника Торвальда. Про саламандру, которая была не оружием, а ключом. Про мальчика с нестабильной аурой, которого алхимик нашёл триста лет назад, но не решился использовать. Про профессора Флойда, который подтвердил, что саламандра ищет носителя открытой ауры.

Артур выслушал доклад молодого мага молча. Когда Фицвильям закончил, инспектор некоторое время размышлял, а затем кивнул.

– Значит, у нас есть подтверждение из двух источников – от мисс Блэквуд и от профессора Флойда. Саламандра не ведет себя хаотично, а у неё есть четкая цель. И эта цель – найти кого-то с определённым типом ауры. Кого именно – пока неизвестно, но сам факт сужает круг поисков. Хорошая работа, Фицвильям.

– Спасибо, сэр. Но есть ещё кое-что. Профессор Флойд сказал, что моя аура... похожа на ту, что описана у Торвальда.

В мастерской после этих слов моментально повисла тишина. Брок перестал что-то сверлить и обернулся. Даже Эвилин подняла голову от расчётов. А Артур просто смотрел на Фицвильяма долгим, оценивающим взглядом.

– Похожа, – повторил он. – Но не идентична?

– Нет. Просто похожа. Торвальд писал о мальчике, который жил триста лет назад. Я тут ни при чём. Просто совпадение... наверное.

– Совпадение, – произнёс Артур тем тоном, каким обычно говорил о вещах, в которые не верил ни на грош. – Что ж, примем это как рабочую гипотезу. А пока – Брок, вы, кажется, хотели нам что-то продемонстрировать.

Гном просиял. Он спрыгнул со стремянки с ловкостью, неожиданной для его коренастой фигуры, и широким жестом указал на созданный им аппарат.

– Вот! – объявил он. – Гордость гномьей инженерной мысли – "Прыгун"! Первый в истории летательный аппарат, способный работать и в воздухе, и под водой! Ну, почти способный. Ну, почти первый. Но точно гордость!

Артур обошёл прототип по кругу, внимательно разглядывая детали.

– Технические характеристики?

– Два места, – начал перечислять Брок, загибая пальцы. – Пилот и пассажир. Хотя я бы сказал – пилот и жертва, потому что пассажирское сиденье пока не оборудовано ремнями безопасности. Двигатель на основе магического кристалла – вот тут, в корме. Кристалл даёт импульс, который преобразуется либо в воздушную тягу, либо в водомётную, в зависимости от положения вот этого рычага.

Он указал на красный рычаг с надписью "НЕ ТРОГАТЬ".

– Воздушный винт складной, – продолжал гном. – В воде убирается в корпус, чтобы не создавать сопротивления. Крылья выдвижные – для полёта они раскрываются, для погружения прижимаются к корпусу. Управление – вот этот штурвал, плюс педали для манёвра. Иллюминатор из усиленного стекла – теоретически выдерживает давление на глубине до ста футов. Теоретически, – подчеркнул он.

– А практически? – спросил Артур.

– Практически мы ещё не проверяли. Потому и нужны испытания.

Эвилин положила логарифмическую линейку на стол и подошла ближе.

– Я проверила расчёты Брока, – сказала она. – С инженерной точки зрения всё рассчитано верно. Кристалл стабилизирован, магический фон в пределах допустимого. Единственная проблема – управляемость в воздухе. Аппарат слишком лёгкий для своих габаритов, и аэродинамика у него... скажем так, нетрадиционная.

– Нетрадиционная – это по-научному "летит, как кирпич"? – уточнил Фицвильям.

– Я бы сказала – "летит, как кирпич с приделанными крыльями", – парировала Эвилин.

– Но теоретически – летит. Практика покажет.

Брок хмыкнул и погладил медный борт "Прыгуна" с нежностью, которую обычно прибегают для домашних животных или дорогих автомобилей.

– Не слушай их, красавец, – проворчал он. – Ты не кирпич. Ты произведение искусства.

– Произведение искусства, которое потенциально может взорваться, – добавила Эвилин.

– Все великие произведения искусства потенциально могут взорваться. В этом их суть.

Артур остановился у иллюминатора и заглянул внутрь. В кабине виднелись два сиденья – пилотское и пассажирское, – приборная панель, на которой разместились компас, альтиметр, указатель магического фона и ещё что-то, назначение чего Фицвильям не смог определить, и тот самый красный рычаг.

– Когда испытания? – спросил Артур.

– Сегодня ночью, – ответил Брок. – Днём слишком много глаз даже над Темзой. А нам не нужны свидетели, которые потом будут рассказывать репортёрам о летающей торпеде. Испытаем над рекой, под мостом Хангерфорд. Там, где док. В случае аварийной посадки там хотя бы вода мягкая. Ну, относительно.

– Кто пилот?

– Я, – выпятил грудь Брок. – А пассажир... – он покосился на Фицвильяма.

– Почему сразу я? – возмутился тот.

– Потому что у тебя аура открытая. Если саламандра где-то поблизости, ты её почувствуешь. А если ты её почувствуешь, мы сможем отследить. Простая логика.

– Логика, при которой я лечу в непроверенном аппарате над Тёмзой ночью без ремней безопасности?

– Именно! – Брок хлопнул его по плечу. – Рад, что ты понял.

Артур, наблюдавший за этой перепалкой, едва заметно улыбнулся.

– Фицвильям, вы не обязаны лететь, если не хотите. Но как верно заметил Брок, ваша чувствительность к магии может оказаться полезной. Решение за вами.

Фицвильям вздохнул. Он знал, что полетит. Не потому, что ему приказали, а потому, что где-то там, в ночном небе Лондона, парила саламандра, ищущая хозяина. И если его аура действительно могла помочь её отследить – значит, так тому и быть.

– Я полечу, – сказал он. – Только дайте мне шлем или хотя бы очки.

– Очки – это можно, – кивнул Брок. – У меня где-то были авиационные с жёлтыми стёклами. Очень стильные.

Ночь опустилась на Лондон быстро, как это бывает исключительно в ноябре. Солнце скрылось за тучами ещё в четыре пополудни, а к семи город уже был окутан темнотой. Туман, неизменный спутник осеннего Лондона, стелился над Тёмзой, скрадывая очертания мостов и причалов. Фонари на набережной горели тускло, и их свет едва пробивал влажную мглу.

Док под мостом Хангерфорд был выбран для испытаний не случайно. Во-первых, он был скрыт от посторонних глаз. Старый пакгауз, арендованный леди Элайзой, стоял в стороне от основных причалов, а высокая арка моста надёжно укрывала его от взглядов сверху. Во-вторых, здесь было достаточно глубоко, чтобы в случае аварийного погружения "Прыгун" не врезался в дно. В-третьих, Брок уже обжил это место и внутри пакгауза он устроил импровизированную ремонтную базу с верстаком, запасными кристаллами и ящиком гномьих хлопушек "на всякий случай".

К полуночи приготовления были завершены. "Прыгун", доставленный в док на специальном прицепе, покачивался на воде, пришвартованный к причалу. В темноте его медный корпус отливал тусклым золотом, а иллюминатор светился мягким зеленоватым светом от разогревающегося магического кристалла.

Фицвильям стоял на причале, кутаясь в шерстяной шарф. Поверх лимонного сюртука он надел тёплую куртку, а на голову водрузил кожаный шлем с авиационными очками – теми самыми, с жёлтыми стёклами, которые Брок торжественно вручил ему за полчаса до старта. Очки были великоваты и постоянно сползали на нос. Шнурки на кедах, из которых один был зелёный, а другой оранжевый, как дань новому тактическому эксперименту, уже намокли от речной сырости.

– Ну что, пилот, готов? – спросил Брок, появляясь из пакгауза. Он тоже экипировался по-полной. На голове – кожаный шлемофон, на глазах – защитные очки, на поясе – инструментальный ремень с гаечным ключом, отвёрткой и связкой каких-то гномьих приспособлений. В руках он держал летный планшет с картой ночного Лондона.

– Готов, – ответил Фицвильям, стараясь, чтобы голос звучал бодро. – А где Артур и Эвелин?

– Остались на берегу. Будут координировать по радиии. Эвелин настроила сканер на частоту саламандры, что мы сняли с чешуйки. Если элементаль объявится, она сразу даст знать. А мы пока просто проверим, как "Прыгун" держится в воздухе. Первый полёт – он как первый блин. Обычно комом. Но мы постараемся, чтобы не об асфальт.

Они забрались в кабину. Внутри было довольно тесно. Запах меди и машинного масла перемешались между собой, а от разогретого кристалла исходил аромат озона. Фицвильям устроился на пассажирском сиденье, которое, к его ужасу, действительно не имело ремней безопасности, и вцепился в поручень. Брок занял место пилота, пробежался пальцами по приборам, проверяя показатели, и взялся за штурвал.

– Зажигание, – произнёс он с важностью капитана дальнего плавания. – Контакт. Поехали.

Он нажал кнопку.

"Прыгун" вздрогнул, чихнул синими искрами из кормового сопла и издал звук, который меньше всего напоминал рёв двигателя, а больше всего кашель простуженного пылесоса. Фицвильяма вдавило в сиденье. Или ему показалось, что вдавило, – аппарат дёрнулся вперёд и вверх одновременно, и на мгновение все ощущения смешались в одну пёструю кашу из страха, восторга и тошноты.

– Держись! – крикнул Брок, перекрикивая вой двигателя.

"Прыгун" оторвался от воды. Это был не плавный взлёт, а настоящий рывок. Аппарат подпрыгнул футов на двадцать, завис на секунду, словно раздумывая, падать или нет, и снова рванулся вверх. Короткие крылья вибрировали так, что заклёпки на корпусе начинали подозрительно дребезжать.

– Мы летим! – заорал Фицвильям. – Мы и правда летим!

– Я заметил! – рявкнул Брок, борясь со штурвалом. – А теперь попробуем не упасть!

"Прыгун" описал над Темзой замысловатую кривую, напоминавшую скорее движение нетрезвой змеи, чем траекторию полёта новейшего летательного аппарата, и устремился вверх. Огни набережной замелькали внизу, как рассыпанные бусины. Тёмный, туманный Лондон растянулся под ними, пронизанный цепочками фонарей и редкими огнями автомобильных фар. Купол собора Святого Павла смутно угадывался вдалеке. Биг-Бен показывал четверть первого.

Фицвильям совершенно забыл о страхе. Он прижался лицом к иллюминатору и смотрел, как город уплывает вниз, становясь игрушечным и почти нереальным. Это было самое удивительное зрелище в его жизни – удивительнее, чем Мистический Альбион, удивительнее, чем Подводное Царство мерроу. Потому что здесь, в обычном Лондоне, он летел. Сам. В аппарате, который построил гном-ворчун из медных листов и магического кристалла.

– Курс на восток! – скомандовал Брок, перекрикивая шум. – Проверим манёвренность!

Он потянул штурвал влево. "Прыгун" заложил слишком крутой и слишком резкий вираж. Фицвильяма с силой швырнуло на борт. Очки слетели с носа и куда-то укатились. В кабине что-то зазвенело, загудело, а потом двигатель чихнул и на секунду умолк.

– Что это было?! – крикнул Фицвильям.

– Небольшой сбой! – отозвался Брок, лихорадочно дёргая рычаги. – Сейчас починим!

"Прыгун" клюнул носом и начал терять высоту. Тёмная лента Темзы стремительно приближалась. Фицвильям уже видел отражения фонарей в чёрной воде, уже различал рябь на поверхности. Он закрыл глаза и приготовился к удару.

Но Брок с гномьим проклятием ударил кулаком по приборной панели, и двигатель взревел снова. "Прыгун" выровнялся в каких-то пятнадцати футах над водой и, набирая скорость, понёсся вдоль русла реки и за его кормой взметнулся веер брызг.

– Вот теперь летим! – выдохнул Брок. – Нормально летим!

Фицвильям открыл глаза. Сердце колотилось где-то в горле. Но они действительно летели. Ровно, устойчиво, даже почти изящно. "Прыгун" словно наконец понял, чего от него хотят, и теперь скользил над водой с грацией, которой никто от него не ожидал.

– Красавец, – прошептал Брок, поглаживая штурвал. – А ты в нём сомневалась, Эвилин.

Рация, закреплённая на приборной панели, ожила. Голос Эвилин, искажённый помехами, прорвался сквозь шум двигателя:

– Брок, Фицвильям, вы слышите меня?

– Слышим отлично! – отозвался Брок. – Полёт нормальный. Машина – зверь!

– У меня для вас новости. Сканер только что зафиксировал всплеск магической активности. Та же сигнатура, что и на складе. Саламандра где-то над Лондоном. В квадрате... – голос Эвилин на секунду пропал, затем снова появился: – ...восточнее Тауэра. Вы не могли бы...

– Мы поняли, – перебил её Брок. – Идём туда.

Он переглянулся с Фицвильямом. Тот кивнул, хотя внутри у него всё сжалось. Саламандра. Живой огонь. Элементаль, который ищет хозяина. Ищет того, чья аура открыта.

"Прыгун" взревел двигателем и, набирая высоту, устремился на восток, к старой крепости Тауэр, над которой уже разгоралось странное, золотистое зарево.

Рация на приборной панели снова ожила. Голос Эвилин, сухой и сосредоточенный, перекрыл шум двигателя:

– Брок, подтверждаю, сканер фиксирует элементальную активность в квадрате семнадцать. Это восточнее Тауэра, район старых доков.

– Принято, – отозвался Брок, вглядываясь в темноту за иллюминатором. – Вижу зарево. Это не пожар – слишком ровное, слишком золотистое. Похоже на неё.

Артур, находившийся рядом с Эвилин в доке под мостом Хангерфорд, взял рацию:

– Фицвильям, что вы видите?

Фицвильям прижался лицом к холодному стеклу иллюминатора. "Прыгун" шёл на высоте около трёхсот футов, и город внизу казался картой, выложенной из огней и теней. Тёмная лента Темзы извивалась между чёрными провалами доков, освещённых редкими фонарями. Но впереди, над одним из пакгаузов, свет был явно не от электрического происхождения. Он пульсировал, переливался, менял оттенки от бледно-золотого до густого апельсинового, и в его центре угадывалось какое-то движение.

– Вижу свет, – доложил Фицвильям, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. – Необычный. И... подождите.

Он прищурился. "Прыгун" снизился, и теперь можно было разглядеть детали. На плоской крыше одного из пакгаузов, стоявшего особняком у самой воды, виднелась высокая человеческая фигура, закутанная в длинный плащ. Лица было не разглядеть, но поза – прямая, неподвижная, словно человек ждал чего-то, – была знакомой. Именно так описывал его Джимми-Свисток. Именно так выглядел тот, кто появился из тени на складе номер семнадцать.

А рядом с ним, обвиваясь вокруг печной трубы, парила саламандра.

Она была ещё прекраснее, чем представлял себе Фицвильям. В темноте ночного Лондона её тело сияло, как оживший витраж. Оно было полупрозрачное, пронизанное внутренним огнём, с длинным хвостом, который рассыпал золотые искры в холодный ноябрьский воздух. Саламандра не металась и не атаковала. Она просто висела в воздухе, словно чего-то ожидая.

– Вижу их, – сказал Фицвильям. – Человек в плаще и саламандра. На крыше пакгауза у воды. Они стоят неподвижно. Кажется, они нас не заметили.

– Пока не заметили, – поправил Брок. – Но это временно. Понд, какие будут указания?

Артур ответил не сразу. Фицвильям слышал в рации только ровное дыхание инспектора и тихий писк сканера Эвилин.

– Попробуйте подойти ближе, – наконец произнёс Артур. – Но не вступайте в контакт без моей команды. Мы не знаем, насколько этот человек опасен. И мы не знаем, как саламандра отреагирует на приближение. Наблюдайте. Записывайте всё, что видите. Если они начнут уходить – преследуйте, но держите дистанцию.

– Принято, – ответил Брок и толкнул штурвал от себя.

"Прыгун" начал снижаться. Двигатель гудел ровно, но в его тоне появилась какая-то напряжённая нота, словно аппарат сам чувствовал близость элементаля и реагировал на него. Стрелка указателя магического фона на приборной панели поползла вправо, в жёлтую зону.

Двести футов. Сто пятьдесят. Сто.

Теперь Фицвильям мог разглядеть саламандру в деталях. Она была около четырёх футов в длину, но её тело казалось куда больше из-за ореола света, который окружал её, словно вторая кожа. Чешуя переливалась, как расплавленное золото, и по ней пробегали алые волны. Глаза саламандры, большие и миндалевидные, горели тем же внутренним огнём, что и всё её тело. Она была не просто существом. Она была воплощением стихии – древней, чистой и совершенно чуждой всему, что Фицвильям знал о магии.

Человек в плаще стоял к ним спиной. Он не оборачивался. Но в тот момент, когда "Прыгун" пересёк невидимую границу, саламандра повернула голову.

Их взгляды встретились.

Фицвильям не мог бы объяснить, как он это понял. У саламандры не было зрачков, не было лица в человеческом смысле. Но он почувствовал этот взгляд – горячий, пронизывающий и полный узнавания. Как будто элементаль смотрел не на летательный аппарат, не на двух человек в его кабине, а именно на него. На Фицвильяма. На его ауру. На то, что у него пряталось глубоко внутри, и о чём только сегодня узнал из дневника Торвальда.

– Она нас заметила, – сказал он, и его голос прозвучал неестественно глухо.

Человек в плаще обернулся. Его лица не было видно – только два тлеющих уголька глаз под капюшоном. Он поднял руку в перчатке и сделал жест – тот самый, который описывал Джимми–Свисток. Его пальцы сложились в замысловатую фигуру, похожую на благословение или на приказ. И саламандра, повинаясь этому жесту, взмыла в воздух.

Она двигалась не как птица и не как насекомое. Она текла сквозь воздух, как струя жидкого огня, оставляя за собой шлейф из золотых искр. "Прыгун" качнуло, как только волна горячего воздуха ударила в крылья, и Броку пришлось бороться со штурвалом, чтобы выровнять аппарат.

– Она уходит! – крикнул Фицвильям. – На северо-восток, вдоль реки!

– Вижу! – рявкнул Брок. – Держись крепче, парень. Сейчас будет трясина.

Он рванул штурвал на себя и вправо. "Прыгун" заложил крутой вираж, протестуя всеми заклёпками, и устремился в погоню.

То, что началось дальше, меньше всего напоминало полицейское преследование. Это был танец – безумный, опасный, захватывающий дух танец между стихией и механикой. Саламандра летела впереди, то взмывая к облакам, то падая к самой воде, и её траектория была непредсказуемой, как полёт искры от костра. "Прыгун" следовал за ней, ревя двигателем и чихая синими разрядами всякий раз, когда Брок слишком резко дёргал штурвал.

Они пронеслись над Тауэрским мостом. Фицвильям успел заметить, как редкие прохожие на набережной задирали головы, пытаясь понять, что за светящаяся точка мечется в ночном небе. Потом саламандра резко свернула в лабиринт переулков, огибая пакгаузы и фабричные трубы, и "Прыгун" нырнул следом.

Вот тут-то и начались настоящие проблемы.

"Прыгун" был спроектирован для полёта над открытой водой, а не для манёвров между кирпичными стенами и чугунными мостами. Брок крутил штурвал, как одержимый, но аппарат отзывался с задержкой, и каждый поворот давался с большим риском впечататься в очередную стену. Один раз крыло все же чиркнуло по водосточной трубе, выбив сноп искр. В другой раз они едва не врезались в вывеску паба "Королевский дуб", которая раскачивалась на ветру, скрипя ржавыми цепями.

– Сбавь скорость! – крикнул Фицвильям, вжимаясь в сиденье.

– Не могу! – отозвался Брок. – Если сбавлю, мы её потеряем!

Саламандра тем временем вылетела на открытое пространство. Это был район старых фабрик, где возвышались кирпичные трубы, многие из которых уже не дымили, но всё ещё стояли, как памятники ушедшей индустриальной эпохе. Здесь у "Прыгуна" появилось большее поле для манёвра. Брок выжал из двигателя всё, на что тот был способен, и начал сокращать дистанцию.

– Я попробую её замедлить! – крикнул Фицвильям.

Он опустил стекло иллюминатора. Тут же холодный ноябрьский ветер ворвался в кабину, взъерошив волосы и заставив заслезиться глаза. Молодой маг вытянул руку наружу. Заклинание захвата, из базового арсенала магов-исследователей, было довольно простым. Это была своеобразная магическая сеть, которая должна была окружить цель и мягко остановить её, не причинив вреда. Фицвильям произнёс формулу, концентрируя энергию в ладони.

Но "Прыгун" как раз в этот момент попал в воздушную яму.

Аппарат дёрнуло вниз. Заклинание сорвалось с пальцев, пошло в сторону и ударило в ближайшую высокую фабричную трубу, сложенную из красного кирпича, с ржавой металлической лестницей на боку.

Результат превзошёл все ожидания.

Труба не взорвалась и не обрушилась. Вместо этого она начала раздуваться. Кирпичи разошлись в стороны, как складки гармошки, и вся конструкция стала напоминать гигантский воздушный шар, который кто-то надувал изнутри. Это было настолько нелепое зрелище, что Фицвильям на секунду забыл о погоне и просто уставился на округившуюся трубу, открыв рот.

– Что... что ты сделал?! – заорал Брок.

– Я не хотел! Оно само!

– В следующий раз, когда захочешь сделать очередное "само", предупреди!

Труба между тем продолжала расти. Она уже стала вдвое шире своего первоначального диаметра и издавала низкий, вибрирующий гул. С кирпичной кладки сыпалась пыль. Рабочие, которые, очевидно, находились на ночной смене в соседнем цехе, начали выбегать на улицу, задирая головы и показывая пальцами на невиданное зрелище.

Саламандра, привлечённая шумом и, возможно, магическим всплеском, на мгновение замедлилась. Она обернулась, и Фицвильям снова почувствовал этот взгляд – горячий, пронизывающий, полный непонятного молодому магу интереса.

Но секундного замешательства хватило. Брок надавил на рычаг, и "Прыгун" сократил разрыв до нескольких десятков футов.

– Теперь держись! – крикнул гном. – Я попробую зайти спереди!

Он направил аппарат в узкий проход между двумя высокими пакгаузами, рассчитывая перехватить саламандру на выходе. Это был рискованный манёвр – "Прыгун" едва помещался в проходе, и крылья почти касались кирпичных стен. Искры сыпались с обеих сторон так обильно, что Фицвильям зажмурился.

А потом саламандра сделала то, чего никто не ожидал.

Вместо того чтобы лететь прямо, она резко взмыла вертикально вверх под углом, который был невозможен ни для одного механического летательного аппарата. Она просто ушла в небо, как ракета, оставив за собой столб золотого света.

Брок попытался повторить манёвр и рванул штурвал на себя. Двигатель взвыл на предельно высокой ноте. "Прыгун" задрал нос и начал набирать высоту, но угол был слишком крутым. Аппарат задрожал, загудел, и вдруг раздался резкий металлический скрежет – это правое крыло чиркнуло по краю крыши ближайшего пакгауза.

Удар был скользящим, но его хватило. "Прыгун" клюнул носом, завертелся вокруг своей оси и, сыпая искрами из повреждённого крыла, начал падать.

– Держись! – крикнул Брок, но было поздно.

Тёмная вода Темзы неслась навстречу. Фицвильям успел увидеть отражение фонарей в чёрной глади, успел вдохнуть, успел подумать, что ледяная ноябрьская вода – это, наверное, не самая приятная смерть, – и тут "Прыгун" ударился о поверхность реки.

Удар был страшным. Фицвильяма швырнуло вперёд, и он больно ударился плечом о приборную панель. Вода сомкнулась над аппаратом. В иллюминаторе мелькнули пузыри, кружащиеся в свете угасающего кристалла, и наступила темнота.

Двигатель заглох. Свет внутри кабины погас. Единственным, что осталось, была тишина – глубокая, плотная, подводная тишина, в которой слышно было только, как где-то в корпусе медленно, угрожающе потрескивает повреждённое крыло.

– Брок? – позвал Фицвильям и его голос прозвучал глухо, словно сквозь вату.

– Живой, – отозвался гном. – Кажется. Шевелиться могу. А ты?

– Тоже. Но мы тонем.

– Я заметил.

В кабине было темно, но сквозь иллюминатор пробивался слабый, рассеянный свет может быть лунный или, может быть, от далёких фонарей на набережной. В этом свете Фицвильям видел, как Брок лихорадочно дёргает рычаги, пытаясь перезапустить двигатель. Кристалл в корме слабо мерцал, но не давал достаточно энергии для движения.

А потом Фицвильям увидел кое-что ещё.

Над поверхностью воды, там, где только что падал "Прыгун", парило золотистое пятно. Оно не двигалось. Оно просто висело в воздухе, как звезда, случайно упавшая с неба и застывшая над рекой. Саламандра. Она вернулась. Она смотрела на них.

Смотрела на него.

Фицвильям не мог объяснить, откуда он это знал. Но он знал. Саламандра ждала. И в её ожидании было что-то, от чего у него перехватило дыхание – не страх, а странное, тревожное предчувствие. Словно всё это – погоня, авария, падение в воду – было лишь началом. Словно

сама судьба, принявшая облик золотого элементаля, сейчас разглядывала его сквозь тёмную воду Темзы и решала, что делать дальше.

– Она смотрит на нас, – прошептал Фицвильям.

Брок перестал дёргать рычаги и тоже посмотрел в иллюминатор.

– Знаю, – тихо ответил он. – И мне это не нравится.

Золотистое пятно над водой оставалось неподвижным. Вода медленно заливала кабину "Прыгуна". Где-то наверху, в мире живых, выла сирена полицейской машины. А внизу, в холодной темноте Темзы, двое членов Отдела Аномальных и Сверхъестественных Происшествий висели между жизнью и смертью и ждали, что решит сделать существо, сотканное из чистого огня.

Глава 5. Призраки прошлого

Холодная вода Темзы смыкалась над "Прыгуном", и мир сузился до размеров тесной, тёмной кабины, в которой остро запахло горелой проводкой и речным илом. Фицвильям слышал, как где-то в корпусе что-то угрожающе потрескивает, как тиканье часов с испорченным механизмом. Вода прибывала. Она уже дошла до щиколоток и была ледяной – такой ледяной, что ноги молодого мага, обутые в кеды, онемели почти мгновенно.

– Брок, – позвал он, стараясь не стучать зубами. – Ты говорил, что у тебя есть план на случай аварийной посадки на воду.

– План есть, – отозвался гном. Он всё ещё сидел в пилотском кресле и шарил руками по приборной панели, хотя в темноте не было видно ни одной шкалы. – План называется "аварийный молоток".

– Что?

Вместо ответа Брок издал торжествующий возглас, нащупав что-то под сиденьем. Фицвильям слышал металлический лязг и гном извлёк на свет предмет, похожий на обычный молоток, только с тремя бойками и светящимся рунным узором на рукояти. Узор давал слабое, зеленоватое свечение, и в этом свете лицо Брока выглядело поистине демонически, демонстрируя всклокоченную мокрую бороду, безумные глаза и хищный оскал.

– Гномий аварийный молоток, модель четыре, – пояснил он. – Я его специально для таких случаев сконструировал. Бьёшь по движителю – он переключается в водный режим. Бьёшь по кристаллу – он перезапускает двигатель. Бьёшь по корпусу – открываются аварийные клапаны.

– А если ударить по чему-нибудь не тому?

– Тогда мы нырнем глубже или просто разлетимся на мелкие части. Но это вряд ли. Держись.

Он размахнулся и со всей гномьей силы ударил молотком по приборной панели. Раздался звон, потом скрежет, потом низкий, вибрирующий гул и кристалл в корме ожил. Его свет был слабым, неровным, но его хватило, чтобы зажглись аварийные лампы на потолке кабины. Двигатель чихнул раз, другой, третий – и заработал. Теперь он звучал ниже, глубже, с утробным рокотом, от которого вибрировала вся кабина.

– Водный режим! – объявил Брок. – Всплываем!

Он рванул красный рычаг, который ещё пять минут назад был неприкасаемым и носил надпись "НЕ ТРОГАТЬ", а теперь стал просто погнутой железкой, и "Прыгун", дёрнувшись, начал подниматься. Медленно, неуклюже, заваливаясь на повреждённое крыло, но все же вверх. Толща воды за иллюминатором светлела с каждой секундой. Чёрный цвет сменялся тёмно-серым, тёмно-серый – зеленоватым. А потом, с последним, отчаянным рывком, "Прыгун" пробил поверхность.

Это было великолепное зрелище. Нос аппарата взрезал чёрную воду, взметнув фонтаны брызг, и в иллюминатор хлынул свет от луны и звёзд, отражённый в тысячах окон домов на набережной. Фицвильям, никогда в жизни не видевший ничего прекраснее, чем огни ночного Лондона, чуть не рассмеялся. Брок, не теряя времени, развернул аппарат носом к доку и дал полный ход.

"Прыгун", чихая и кашляя, но упрямо двигаясь вперед, поплыл по Темзе. Набережная приближалась. На причале, под мостом Хангерфорд, стояли две фигуры: одна – высокая, в бежевом плаще и котелке; вторая – пониже, с каким-то прибором в руках. Артур Понд и Эвелин Роуз ждали их.

Через десять минут "Прыгун", изрядно помятый, но всё ещё на плаву, пришвартовался у дока. Брок первым выбрался на причал, и его лицо выражало сложную гамму чувств, начиная от гордости, ярости и облегчение, до желание немедленно кого-нибудь сильно ударить.

Фицвильям выбрался следом. Его лимонный сюртук промок насквозь и потемнел до горчичного оттенка, с волос капала речная вода, а кеды при каждом шаге издавали чавкающий звук. Очки-авиаторы он окончательно потерял ещё во время падения "Прыгуна" в воды Темзы.

Артур окинул взглядом обоих. Потом перевёл взгляд на "Прыгуна", который покачивался у причала с погнутым крылом, выбитым иллюминатором и следами копоты на медной обшивке. Потом снова на Брока.

– Впечатляющая, но дорогостоящая импровизация, – произнёс он.

Брок открыл рот, закрыл, потом снова открыл.

– Там была саламандра! И человек в плаще! Мы их преследовали! Мы почти догнали!

– Я знаю, – спокойно ответил Артур. – Эвелин не прерывала трансляцию по рации до самого вашего падения. Я слышал всё – ход погони, заклинание Фицвильяма, удар о крышу и ваше приводнение. Выводы сделаем позже, сейчас отправляемся в Отдел. Вам обоим нужно переодеться, выпить горячего чаю и доложить о случившемся в деталях. Брок, что с прототипом?

– Крыло погнуто, – мрачно ответил гном, оглядываясь на "Прыгун". – Правый стабилизатор сорван. Кристалл разряжен на восемьдесят процентов. Двигатель в водном режиме на данный момент работает, а в воздушном теперь даже не знаю, надо тестировать. Короче, ремонта на пару дней, не меньше.

– Займитесь этим завтра. Сейчас закругляемся и всем спать.

– Спать? – переспросил Фицвильям. – После такого?

– После такого – особенно, – отрезал Артур.

Фицвильям кивнул, хотя мысль о том, чтобы заснуть после всего пережитого, казалась ему нелепой.

Они вернулись в подвал Скотланд-Ярда около трёх часов ночи. Брок, ворча о неблагодарной работе и мокрых штанах, удалился в мастерскую, где у него, как выяснилось, имелась запасная сухая одежда и походная койка. Эвелин ещё некоторое время возилась со сканером, переписывая данные на отдельную перфокарту, а затем ушла домой. Артур заварил чай – "Эрл Грей", с лимоном, без молока, – и выпил его стоя, глядя в тёмное окно, за которым ночной Лондон жил своей обычной, ничего не подозревающей жизнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.